

Раскрытие Ясного Света Рамалинги.

Это перевод книги, сделанный у нас в монастыре. В ее основу легли стихи Рамалинги «Песнь Божественной Милости».

«В этом мире я никогда не забывал Тебя. С тех пор как я начал осознавать мир, и даже когда я был очень юным, я никогда не думал о чем-либо другом, кроме Тебя».

Под «Тебя» имеется виду Абсолют, Бог. «Я ни о чем другом не думал, кроме Тебя». В этих словах лучшая истина Лайя-йоги.

«Даже будучи молодым, я всегда думал о Тебе и зависел только от Тебя, оставив зависимость от чего-либо еще».

Проверьте себя: «Думал только о Тебе». Можете ли вы также сказать?

«Я всегда говорил: «О, мой Бог! Ты есть мой Отец, являешься моим благодетелем! Я думаю, о Тебе без перерыва и пел для Тебя любым возможным способом, не заботясь о мнении других».

«Думал о Тебе без перерыва». В том момент, когда мы проясним для себя присутствие и погруженность в естественное состояние, вся наша задача на всю оставшуюся жизнь, пока наше сердце бьется, думать о Нем без перерыва. Рамалинга говорит здесь простыми словами, не объясняя тонкости расслабления, состояния вне мыслей, самоосвобождения и прочего. Однако его наставления попадают в самую суть. Думать о Нем без перерыва, значит непрерывно погружать свой ум в состояние Ясного Света, чем бы ты ни занимался. Многие думают, что это возможно только в самадхи и ждут того золотого часа, когда же, наконец, им дадут трехлетний ритрит, чтобы войти в нирвикальпа-самадхи, надеясь на реализацию непроявленного. На самом деле, это всего лишь половина практики Дхармы. Более того, святые говорят, что фиксация на непроявленном и надежда на реализацию только в состоянии отрешения, если ей увлекаешься, это западня. Другими словами, созерцание Ясного Света должно длиться непрерывно, где бы ты ни находился. Разумеется, состояние самадхи крайне полезно для каждого йогина. Тем не менее, нирвикальпа-самадхи должна перерасти в сахаджа. Выйдя из ритрита, открыв глаза, мы должны понять Ясный Свет в обычном состоянии. В этом состоит реализация. Этот текст, чтение его – это подношение Рамалинге. Я думаю, у нас в будущем будет его большое изображение и статуя.

«Когда бы я ни думал, это было только о Тебе. Когда я был в безмыслии, я пребывал в полном одиночестве и оставался в Тебе. Я не сделал ничего даже в малейшей мере как проявление моей воли, я делал все через Твою волю. Все это, о, мой Бог, Ты знаешь, нужно ли мне это так часто повторять?»

Посмотрите, это просто песня: «Когда бы я ни думал, это было только о Тебе». Вы можете такое просто вообразить себе? Только о Тебе. «Когда я был в безмыслии, я пребывал в полном одиночестве и оставался в Тебе». Возникают мысли, я пребываю в безграничном Ясном Свете. Нет мыслей, я пребываю там же. «Я не сделал ничего даже в малейшей мере как проявление моей воли». Когда вы сможете себе это сказать, вся Дхарма будет реализована вами, когда от вас, от вашей воли не останется ничего, когда ваш ум, эго и тело станут рабом, марионеткой Ясного Света, когда они полностью ему сдадутся и полностью подчинятся, когда только абсолютное «Я» будет руководить вашим умом и эго. До тех пор, пока остается маленькая воля, волька (чайтасика), исходящая от ума, эго, это невозможно.

Поэтому мы говорим: отпускание, самоотдача, отсечение «я», стать пучком соломы, полым бамбуком. Мы, конечно, думаем, что имеем что-то ценное, что наше эго есть бог весть что. Тем не менее, мы не понимаем, что это цепи на ногах. Мы можем, конечно, за него держаться, однако когда мы соприкасаемся с Ясным Светом, мы видим, что как только мы отпустим цепляние за «я», то мы поменяемся с Ясным Светом местами. Мы сами станем этим Ясным Светом. Мы ничего не потеряем, мы приобретем просто весь статус, все положение, все бытие Ясного Света. Тогда мы смеемся и думаем: «Надо же, ну, я был и глупец. Такую славу, такое блаженство я разменивал на тщеславие, мелкие вещи, на эгоизм, на привязанности и прочее. Как же я был одурочен всем этим. Как я вообще мог такое допустить в себе?» Когда мы это понимаем, нам хочется отхлестать себя по щекам за нашу тупость. Однако мы можем это понять, только когда мы уже проникнем в этот Ясный Свет, и вся глупость иллюзии «я» будет высвечена с потрясающей силой. Тогда нам хочется плакать по другим людям, которые не видят этого и играют в свои привычные игры гнева, ненависти, привязанности, жадности, эгоизма, гордости. Мы думаем: «Несчастные, несчастные, как же им помочь?»

«Он говорил, что люди должны рассматриваться как равные, независимо от их религии, касты...

Это прокомментировано автором этой книги.

цвета кожи, клана, страны или чего-то еще, что разделяет людей. С этим миром нужно обращаться таким образом, как будто это одна страна и нет никаких границ. Существует только один Бог, и он есть Арут Перун Джьоти – Великая Эманация Милости, а другие боги, которых мы прославляем как всемогущественных, являются только маленькой частичкой, и мы не должны прославлять этих богов».

Перефразируя его слова, божества и святые являются частью естественного Ума. Если мы не понимаем этого, говорят, что мы впадаем в отклонение, называемое этернализмом. Рамалинга родился в шиваитской семье, исповедовал согласно своей касте привычную религию. Но в детстве ему явился бог Картиккея в зеркале. Не обучаясь ни в школе, ни у учителя, все знания он обрел сам спонтанно. Бог Картиккея, появившись, дал ему даршан, в результате чего он обрел полное Просветление. Это уникальный случай, даже среди святых. Позже он говорил, что Дхарма не должна иметь фиксации на уровне ума.

«Наивысший принцип, которому надо следовать – это сострадание ко всем живым существам, который требует равного и неизменного отношения ко всем живым существам, исходя из любви».

Сейчас многие приравнивают строки из «Песни Божественной Милости» к Ведам, а некоторые даже считают, что они выше Вед, подобно описаниям великих святых Маниккавасагара, Тируджняна Самбандара, которые также реализовали вершину духовной реализации – переход в тело Света. Когда-то Рамалинга написал, что его миссия в этом мире не пустила больших корней в Индии, и можно сказать, он был несколько разочарован тем, что общество не было готово принять в XIX веке его идеи единой религии, универсализма, выхода за пределы каст. Ортодоксальное жречество, до того как он проявил знаки полной реализации, не очень радостно относилось к таким заявлениям, поскольку политическая, религиозная обстановка в то время в Индии была другая. Однако Рамалинга говорил, что в будущем далеко на севере появятся люди, которые будут проповедовать его учение. У меня нет даже самой малой тени сомнения, что Рамалинга говорил о нашей Сангхе. Можно сказать, что его пророчество сбылось.

«Он жил в прошлом веке (1822 год), и все видели его, как он вел такой образ жизни, и удивлялись его чудесам. В той части страны, где он жил, большинство людей были невежественны, и они имели

сильные привязанности к их религиозным сектам, кастам, представлениям и т.д. Святой проповедовал им изменить себя, сделать общество безкастовым, но они не могли понять и оценить его учение. Однако он рассматривался всеми, кто его знал, как великий святой».

Мы способны понять его великие принципы, которым он следовал, по которым жил, достигал, учил других - через писания тех, кто писал о нем и через бесчисленные и вечные гимны, в которых он упоминал об этих вещах.

Он никогда не посещал никакой школы, не учился ни у какого наставника, учителя или у Гуру. Он вел жизнь великого святого с детства и был очень великим преданным Бога с детства. Он был олицетворением простоты и смирения. Он был воплощением сострадания. Всем людям нравятся святые, ученые люди, йоги и набожные люди тех времен, то есть современники рассматривали его как наиболее ученого и набожного святого во всех йогах и как великого джняни. Он сочинил около десяти тысяч стихов, которые были гимнами величия всемогущему Богу, путем совершенствования души, состраданием ко всем живым существам. Любой человек, кто читает эти гимны, приходит в экстаз, тает об благоговения и становится очень сострадательным. Отвлечения ума через пять органов чувств автоматически перекрываются, и ум становится наполненным любовью Бога и божественной любовью. В его гимнах нет никакой необходимости в аллегориях, в аналогиях или воображаемых описаниях. Они являются спонтанным излиянием мощных чувств, берущих свой источник из эмоций чарующего спокойствия. Это наилучшие слова, приведенные в наилучший порядок. Они легко понимаются, и их язык простой и непосредственный. По своему стандарту это стихи очень возвышенного и высокого порядка. В них вы проходите через молитву, которая совершенствует душу, достигаете благословения Бога. На благосостояние всех людей и всех живых существ он построил Храм для бесплатного питания и назвал его «Сатья Дхару Дхалай». Он был построен для того, чтобы кормить бедных и лишенных крова. И тут не было отличий в касте, расе, в месте рождения в плане для получения пищи. Даже сейчас скромную пищу получают около двухсот человек каждый день без перерыва. Он построил также Храм Истины Великой Мудрости, названный «Сатья Джняна Самвай». Символ великой истины, предназначенный для понимания Бога и его милости.

Когда я был юным, ты дал мне познать все, не посещая школы. Ты дал мне познать все досконально и также устранил все недостатки во мне, и заставил меня пробудиться от сна. Ты мой возлюбленный отец, кто сделал все это. Ты проявился во мне. О, мой Возлюбленный Господь, Ты с радостью сделал все ненаписанные духовные секреты написанными в моем уме. Я получил Твою великую милость, которая позволяет каждому понимать все в одну секунду, и что здесь еще можно сказать?»

Рамалинга говорил, что даже самый тупой или глупый человек силой этой нисходящей милости может в один миг обрести полное и абсолютное всеведение. Есть такое выражение, что Абсолют является вором в теле человека. Он пребывает там без его ведома. Он уже пребывает, но человек не знает об этом. Когда мы устраняем полностью свои цепляния за «я», мы узнаем о том, что этот вор всегда был, и обнаруживаем его абсолютные качества.

«Это Свет Божьей милости. Это Свет, который дал мне познать и понять все без изучения. Я всегда размышляю о высшей великой милости, через которую я стал способен понимать все, что трудно выучить или познать».

Этот Свет в терминологии Лайя-йоги называют Ясным Светом Саморожденной Мудрости. Говорят, что он подобен милости. Милость означает нечто, что дается просто так, без каких-то ваших заслуг, без причины. Таким же образом, когда мы практикуем, мы подходим к такой точке, когда обнаруживаем, что этот Свет существует всегда в виде милости, и мы не можем его улучшить ни духовной практикой, ни аскетизмом. Единственное, что идет в расчет, это отсечение нашего «я» и

самоотдача. Это означает, что в нашем созерцании мы внезапно понимаем простую вещь, что нам не нужно куда-либо направлять свой ум, кроме Ясного Света.

«О, моя Возлюбленная Мать! Ты милостиво благословила мою способность понимать все, не изучая этого.

Здесь к Богу адресуется в этих станцах как к матери, к той матери, что есть лучший пример любви, доброты по отношению к ее детям.

О, мое истинное отношение к тебе дало мне стать воплощением знаний, формой знаний и позволило мне познать все, не изучая этого. И другие, те, кто учил все, пришли послушать меня ради понимания и обретения высшего знания».

Брат думал, что Рамалинга был недалеким человеком: он уходил утром из дома, не ходил в школу и приходил вечером. Он ходил в храмы или был в одиночестве. И так было днями. Тогда брат нанял учителя, чтобы тот учил его. Учитель пришел и сказал, что Рамалинга ничему не учиться у него. Тогда брат нанял другого учителя. Этот учитель пришел и сказал, что он не будет учить Рамалингу, потому что Рамалинга знает больше, чем он. Но брат не мог в это поверить, и он сказал своей жене, чтобы она не кормила его из-за того, что Рамалинга не хочет учиться, ходить в школу, из-за того, что он бездельник. Он сильно поссорился с Рамалингой из-за этого, потому что был верующим, брахманом, ученым и сам читал лекции по духовным вещам. Однако случилось так, что брат однажды заболел, и Рамалинга случайно прочел лекцию всем, кто собрались в зале в одном храме. Организаторы лекции и все люди были настолько увлечены его лекцией, что сидели несколько часов, слушая его проповедь. Организаторы сказали, что они были бы очень рады, если бы всю оставшуюся часть лекций провел Рамалинга. Брат не поверил этому и в следующий раз пришел и слушал, подглядывая, как Рамалинга читает лекцию. Тогда внезапно он увидел, что его брат – вовсе не брат, а само божество. Он его увидел в виде одного божества, по-моему, в виде Картиккеи. С тех пор он обращался с ним очень почтительно.

«Когда я был юным, Ты, оставаясь в моем уме, благословил меня Твоей милостью, выучил меня и дал мне познать свыше меры все то, что достойно познания и изучения без хождения к какому-либо учителю, который бы меня учил и тренировал».

Когда брат узнал об этом, он сказал жене снова кормить его, но жена тайком его подкармливала из сострадания. Рамалинга также почитал как своего учителя Тируджняна Самбандара Свамигала, известного махасиддха, который реализовал полное Просветление в Радужное тело.

«О, Бог всех богов! Ты позволил мне познать все познаваемое. Ты позволил мне любить Тебя. Ты дал мне понять всякими способами, что наслаждение этого мира подобно миражу и нереально. Мой дорогой Господь, Ты остаешься внутри меня. Ты благословляешь меня Твоей милостью. Ты сделал меня достаточно великим, чтобы я не шел к кому-то и не просил что-то, и все это по Твоей милости. Ты действительно милосерден. Ты стал великим милостивым покровителем, когда я был юным, и взял меня в свою паству».

Наслаждения этого мира подобны миражу. Это следует всякий раз повторять, когда ум или эго захочет получить наслаждение отдельно от Ясного Света. Проблема не в самом наслаждении, проблема в том, что эго и ум хочет наслаждаться этим отдельно от Ясного Света, хочет приписать наслаждению какое-то собственное существование и цепляется за него. Это мы должны вспоминать, когда едим прасад, когда переживаем любые ощущения, зная, что наслаждение вне созерцания Ясного Света есть карма, есть кармическая греховно-обусловленная деятельность, хотя у нас нет как такового термина грех. В Тантре нет в принципе разделения, но можно сказать есть единственный грех – это грех

бессознательности, когда мы не воссоединяем созерцательное присутствие с тем, что мы делаем, и это приводит к потере энергии, к отвлечениям, к потере созерцания Ясного Света.

«Когда я был юным, по Твоей милости я не позволял себе присоединяться к детским играм обычных мирских мальчиков и девочек. Я не любил поедать различные вкусные блюда».

К различным детским играм. Многие даже во взрослом возрасте присоединяются к детским играм. Вся мирская жизнь – это такие детские игры. Однако с точки зрения святого любые вещи, кроме предания себя абсолютному «Я» и созерцания Великого Света, являются такими детскими играми: власть, политика, семейные отношения, владение собственностью. Для святого это, скорее, подобно заразе, если возникает у ума привязанность. Мы не говорим, что нужно занимать отвергающую позицию, мы говорим, что просто этому не следует придавать никакого значения, а полностью отдать свой ум Абсолюту.

«Я не проявлял интереса к рисованию фантастических картинок, не тратил время на рассмотрение и удивление обычным вещам, не говорил чего-то, не относящегося к делу, не плакал и не рыдал жалобно, как это делают дети. Я не ввязывался в ссоры с другими детьми, не делал пакостей, какие обычно делают дети, не потворствовал чему-то воображаемому. Не плакал и не рыдал из-за чего-либо, чтобы повлиять слезами на чувства матери. Ты, наделив меня мудростью, заставил почти все время находиться в одиночестве, и я принимал вещи так, как они приходили, не имея ни к чему симпатии или антипатии. Я всегда пел имя Бога и делал какую-то епитимью. Я всегда восхвалял и молился Тебе. Я сострадал мучающимся живым существам. Всегда пытался следовать высоким идеалам и принципам, воспевая Тебя, делал Тебе поклонение и был очень благочестивым по отношению к Тебе».

Рамалинга даже когда писал эти стихи, очень их стеснялся. Он не был инициатором их публикации и всегда сомневался, не является ли это его самовыражением, и только его друзья уговорили их напечатать. Он говорил, что «я их пишу только потому, что через меня Абсолют изливается, и я это не отвергаю, но если бы это было моим собственным изливанием, я бы провалился сквозь землю от стыда».

«Ты заставлял меня все это делать, о, мой Бог! Все, что я сделал – по Твоей неограниченной великой милости. Таким образом, я могу вообразить, как я могу восславить Тебя. В этом юном возрасте ты сам дал мне понять практику и обычаи кастовой системы, обычаи различных видов жизни, виды фальшивых обычаев и практик, что все они есть несправедливые. И Ты не позволил мне следовать им. Когда я стал старше, Ты позволил мне подняться на более высокий духовный уровень и еще выше, и также позволил мне остаться на этом высоком уровне. Когда я стал молодым человеком, Ты заставил меня повиноваться. Увлечения и искушения мирскими наслаждениями, что есть неотъемлемое качество этого возраста, то Твоей милости не возникали во мне даже в малейшей степени. О, мой Бог! Я стыдился ходить с висящими руками вдоль тела, и тогда я всегда ходил со сложенными руками. Я не хотел представлять напоказ другим хоть какую-то часть моего тела, и поэтому я покрывал все свое тело белой одеждой. Я никогда не рассматривал, как одеты другие люди, их внешний вид, и если я смотрел на них, то я опасался подобных вещей».

Он боялся даже бросить легкий взгляд на мужчин или женщин, одетых по высокой моде, и он одевал чисто белую одежду, закрывающую все тело, чтобы никакая часть тела не была видна другим. Он стыдился ходить с висящими руками вдоль тела и поэтому всегда держал руки сложенными».

Традиционно Рамалингу изображают с руками, когда он держит их у груди сложенными.

«Он изображается всегда со сложенными руками, в статуях он также имеет сложенные руки. Он носил только чистую белую одежду. Дхоти покрывало его тело только до колен. Было модно носить дхоти, ниспадающее ниже лодыжек, но простые люди шили его только до колен. Однажды Сабапатхи Мудальер, богатый человек, попросил Валлалара присутствовать на свадьбе, которую он

проводил. Святой принял приглашение и пошел посетить церемонию. На входе стояли два охранника, которые не позволяли никому входить, кто не был торжественно и модно одет. Когда святой это увидел, он не вошел в свадебный дом и присел на обочине возле противоположного дома. Другие, кто увидел это, сообщили Мудальеру и всем остальным. Они все вышли и попросили святого присутствовать на свадьбе.

«У меня не было ни гирлянды с цветами, ни белой рубашки, ни хорошего дхоти, я не был известным. У меня не было денег или имени. У меня не было дома. У меня не было торжественного вида. О, мой ум, можешь ли ты желать посетить эту свадьбу?»

Друзья одели его в дхоти, отливающее серебром, но из-за этого святой выглядел испуганным, как будто он чего-то боялся. Друзья не понимали, чего он опасается. Он никогда не носил зонтика над головой, чтобы защитить себя от солнца или дождя. Когда другие держали для него зонтик, он думал, что это уже слишком, и боялся этого. Он держал свой платок на бедре, потому что боялся держать его в руке, ходя по улице».

Далее он пишет:

«У меня было видение Господа, и я хотел оставить это втайне от всех, это великое достижение. Но я стал известным народу. Я не могу понять, от Бога ли было оно?»

Ему не нравилось оставаться в больших городах. Большую часть времени он жил в Мадрасе (до 29 лет) и проводил в одиночестве в храмах, в деревнях, в открытых полях, чтобы быть вдалеке от городской суеты.

«Если сострадание во мне уменьшится, я немедленно умру, о, мой Бог. Это мое заявление к Твоим золотым стопам».

Его считают воплощением сострадания. Говорят, что он сильно страдал, когда видел малейшее страдание живых существ, когда он видел, как забивают животных или кто-то ссорится. Особенно в молодости, когда он проходил разные этапы духовной эволюции, он испытывал, будучи очень чувствительным, сильнейшие страдания.

Далее он пишет:

«Мое желание заключается в том, что я должен стать воплощением сострадания по Твоей милости, которая дает вовремя поддержку. Я должен быть способен дать облегчение тем страдающим от тяжелого горя и сделать их счастливыми. Я не могу видеть или слышать страдающими или бедствующими ни одно живое существо в земном мире даже в малейшей степени, и я не могу терпеть это чувство даже одну секунду, когда бы я ни думал о Твоей милости. Я прошу, чтобы Ты позволил благодетелью, которое бы устранило горе этих живых существ по Твоей милости. О, мой Отец, я должен чувствовать и обращаться с каждым живым существом, как с моей собственной душой. Я должен сделать их счастливыми, я должен быть способен устранить трудности, препятствия и ограничения, приходящие к ним. Я должен быть способен устранить их страх и сделать их счастливыми. Это мое желание.

О, достойный Господь! О, Истина, которая не может быть осознана даже великим человеком, кто делал аскезу. Ты знаешь, что я, Твой слуга, когда вижу выражение горя в лицах тех, кто приходит ко мне: мои друзья, родственники, соседи, братья моей матери, сестры и другие, не связанные со мной люди, я чувствую себя, как будто я упал в обморок, и мой ум обрел ошеломляющий опыт».

Рамалинга описывает состояние, которое у нас называют «расщепление личности». Когда мы приближаемся к Освобождению, мы не живем на уровне поверхностного сознания, у нашего эго нет границ. Мы становимся очень чувствительными. Мы уже чувствуем себя не только в этом теле, но и в теле другого, в теле коровы, в теле кого угодно. Это описано также в случае с Рамакришной, когда быка на другом берегу били, а Рамакришне стало больно. Ученики сказали: «Ну, это уж слишком». Рамакришна сказал: «Слишком, да? Ну, посмотрите». На его спине увидели следы от ударов такие же,

как на спине быка. В это время мы не пребываем только в теле, мы пребываем в тонком теле, а оно одновременно чувствует кармы и страдания многих живых существ, и любые страдания бьют по нам, словно по голове. Это происходит потому, что наш ум еще не освободился полностью, и мы не можем видеть свет за этими существами, но чувствуем их поверхностные страдания.

Я могу сказать также на своем опыте. Когда мне было лет девятнадцать-двадцать, я находился в подобном состоянии, не умея с ним обращаться. Я увидел двух девушек, когда практиковал ходьбу в парке. Эти девушки были чуть-чуть младше меня, им было по шестнадцать лет. Я медитировал, будучи в очень глубоком состоянии подсознания. Девушки эти были пьяны и очень вульгарны, они грязно ругались матерными словами. Когда они прошли мимо, что-то выкрикивая, в совершенно непотребном состоянии, для меня это было подобно удару по голове. Это был сильный шок для сознания и страдание. Я буквально рыдал за этих девушек, за их невежество, за то, что они такие несчастные, за их неблагуо карму, и чувствовал себя очень плохо целый день. Поскольку я тогда не был «я» в теле, в тот момент, когда эти девушки проходили, я стал этими двумя девушками и почувствовал всю их тупость, все невежество, весь тамас, это было очень больно.

Когда мы продвигаемся дальше, такие вещи больше не сбивают наше естественное состояние, и мы видим свет даже в таких вещах. Сейчас бы я, конечно, не стал плакать, глядя на этих девушек. Я бы подумал: «Надо же, дакини развлекаются по полной программе. Это благословение, благоприятный знак». Или: «Кали делает яростное подношение 5М». Поскольку Ясный Свет не теряется ни в одном живом существе, как бы оно ни страдало, или в каком бы тамасе не было. Но пока мы не можем прозревать Ясный Свет, и в нашем уме есть двойственность, притяжение-отвержение, то такие вещи нас по-настоящему выбивают из естественного состояния, мы отождествляемся с ними и получаем их карму. Рамалинга действительно сильно страдал в эти юные годы, это постоянно описывается. Эти страдания исчезли, когда он повзрослел, и у него полностью исчезло разделение и двойственность. Здесь он описывает свое детство и юношество.

«О, Единственный Высший, Тот, кто танцует в доме мудрости! Знаешь ли Ты, что когда я слышу, как то-то говорит другому, что личность, живущая в одном из домов этой улицы, умерла, оставив жизнь, а родственники плачут, то мой ум поражен и потрясен в величайшей степени?»

О, Господь, когда я нахожусь среди людей, которые подходят ко мне с несколькими болезнями или ранениями и подвергаются таким страданиям, то я очень сильно чувствую, и я гневаюсь от этого, у меня возникает чувство истощения. Я дрожал от этого сильного чувства, смущался и чувствовал себя беспомощным. Подобные вещи, которые я переживал раньше когда-либо, я вспоминал в этот момент. Знаешь ли ты, как я был шокирован? О, Бог, труднодостижимый каждым, сияющий в доме Мудрости! В этом мире, когда бы я ни проходил мимо кого-то, говорящего, что кто-то терпит муки голода, что они голодны и из-за истощения они борются за выживание, мой ум получал очень сильный шок. И если бы кто-то в этом мире сказал, что он голоден, мой ум бы получил очень сильное потрясение. О, мой Отец! Где бы вороны ни каркали, кориуны ни производили резких звуков, ни кричали бы совы, а птицы бы не шипели «са», эти звуки означали дурные предзнаменования. Если я их видел, мой ум ломался, и я чувствовал страх, истощение, подобно тому, как если бы я упал в обморок».

Когда мы пребываем в таком сознании, мы становимся очень чувствительными, обнаженными, словно с нас сняли панцирь или кожу. Сознание становится очень подвижным, непостоянным, любая малейшая вещь выбивает его. Оно меняется с большой скоростью под малейшим воздействием: одно неосторожное слово, нечто происходящее и прочее. Поскольку ум в это время еще не стабилизировался, не обрел устойчивость в Ясном Свете, он становится очень текучим. Описывали случаи, когда к ламе, сидящим в долгом ритрите, приходили ученики и говорили: «О, что-то вы неважно выглядите сегодня. (Он чувствовал себя хорошо.) Уж не заболели ли вы?» Он говорил: «О да, наверное, я заболел», - и

начинал на глазах заболеть. На следующий день к нему приходили ученики и говорили: «О, а сегодня вы лучше выглядите. Наверное, вы выздоравливаете», и он начинал выздоравливать. В это время ум настолько подвижен, что простые слова могут полностью изменить энергетическое состояние или события.

«О, мой Отец! Я не способен описать размер моего потрясения, когда я узнаю, что злой человек держит пари на бедного и покорного. И Твой святой ум знает это. Страх, который я испытываю, когда вижу пьяницу, больше, чем море. Когда я узнаю о жестоких поступках злых людей по отношению к бедным, никто не знает, до какой степени я шокирован».

Рамалинга переживал это с огромной силой, поскольку он обладал очень большой святостью.

«О, мой Отец, когда я слышу, что случилось ограбление, я чувствую себя спаленным на горячем огне. Когда кто-либо неожиданно прибывает по срочному делу, я потрясен чувством, что кто-то подвергается беспокойству. Когда кто-то ссорился друг с другом, издавая крики, мой ум дрожал много раз. Когда кто-то закрывал засов двери с сильным шумом, я смущался и приходил в замешательство. Когда кто-то кричал от боли, я чувствовал сильное потрясение внутри. О, мой Отец! Известно ли это тебе? Когда я видел кого-то плачущим от горя со слезами на глазах, возможно даже из-за неудачного случая, я также плакал, и слезы катились с моих глаз с сильным чувством потрясения, с выражением: «Что с ним случилось?» Когда кто-то подошел ко мне и неожиданно позвал меня, я не знаю почему, вообразил, что случилась с ним беда. Я смутился и даже забыл спросить рассказать мне, что же с ним случилось?»

Обладая огромным состраданием, Рамалинга находился постоянно в таком состоянии. Он переживал за каждое живое существо: за собак, кошек, насекомых, поскольку чувствовал их всех неотделимыми от своего сознания.

«Где бы я ни видел коров, скот и других животных, кричащих от боли, я чувствовал, как будто я полностью истощен. Когда я их видел слабыми, я также чувствовал себя очень слабым. Когда я видел домашнюю птицу и других птиц, кричащих от агонии, я чувствовал себя полностью разбитым. Когда я видел злого мужчину, несущего нож в руках, я задавал себе вопрос: «Что это есть?», гневаясь от этого. Где бы я ни видел рисовые поля, засохшие из-за засухи, я чувствовал себя высохшим. Когда я видел людей, ничего не имеющих в крайней бедности, ходящих от дома к дому и просящих милостыню, и не получающих достаточно пищи, чтобы удовлетворить голод, я получал потрясающий шок. Где бы я ни видел людей, страдающих от неизлечимых болезней или от продолжительных болей, я чувствовал, как будто я получил сильную боль. Когда бы я ни видел бедного человека, страдающего от большого самоуважения и не способного примирить тело и душу, я чувствовал себя также страдающим. Когда я видел людей, ставящих храмы для полубогов или маленьких богов и зовущих их, делая жертвоприношения животных, птиц, овец, свиней, козлов, петухов и куриц, убивая свои жертвы, я очень сильно чувствовал эти плохие поступки, и моя душа боялась, когда я проходил мимо подобных плохих храмов. Когда бы скверный или безнравственный человек ни начинал убивать неожиданно других живых существ, я боялся. Когда бы я ни видел, как другие живые существа бьются в агонии, я дрожал от страха. На этой земле, когда бы я ни видел рыбные сети, рыбные крючки, ловушки, о, мой Отец, мой ум всегда дрожал от страха за этих живых существ».

Разумеется, Рамалинга дрожал от страха не за себя, а за страдания, которые переживали живые существа.

«Я был потрясен, Ты знаешь, когда я видел людей, имеющих месть в душе, кричащих и ссорящихся. подобные крики, когда я слышу, как будто огонь вливаются в мои уши».

Говорят, боги не хотят подходить близко к людям, хотя могут в любой момент. Они их обходят стороной за одиннадцать йоджан (примерно за одиннадцать тысяч километров), потому что энергия людей, если они близко с ними соприкасаются, для них слишком грубая, неприятная. Если только нет кармической связи с каким-либо святым, который имеет сострадание, скорее всего, они будут избегать людей. Вы сами, наверное, можете почувствовать, что если ваше сознание развивается и становится более тонким, но вы еще не освободились от двойственности, вам не очень приятно наблюдать грубое сознание. Если вы освободились от двойственности, даже за грубым сознанием вы можете видеть Ясный Свет, но пока не освободились, вы видите только это сознание, и если ваше сознание более тонкое, вам неприятно видеть более грубое сознание. К примеру, монахи часто говорят послушникам, а послушники в ответ что-то говорят монахам. Но дело не в том, что решается какая-то задача, а дело контакта более тонкого сознания и более грубого. Дело не в том, чтобы доказать что-либо друг другу или решить какой-либо вопрос, а в том, чтобы поменять уровень осознанности. Это самое главное послание монахов. Нигде нет никакой проблемы, тебе просто следует научиться жить в более тонком сознании, и все. То, что ты видишь как проблему, это не проблема, это следствие, а истинная проблема в том, что твой ум пока прилипает, вязнет, и ты должен быть внимательным и работать над этим. Если твой ум не прилипает и не вязнет, ты всегда гармоничен и у тебя всегда все получается, все выходит как надо. Когда наш ум грубый, мы этого не понимаем и хотим изменить мир, изменить других. На самом деле все это иллюзия, конечно. Нам просто нужно сменить уровень осознанности, тогда внезапно и мир поменяется. Мы увидим, что тот мир, о котором мы мечтали, он всегда был, просто нас в него не пускали из-за нашего грубого сознания. Не то чтобы не пускали, мы сами не могли туда попасть.

«О, мой Единый, пребывающий в моем сердце! Я пришел в этот мир только из сострадания ко всем живым существам, и я отношу к тебе свое призывание, чтобы освободить их от страданий. И даже сейчас я делаю поклонение Тебе по той же причине. Я обещаю, что моя душа и сострадание не есть отдельные сущности. Они одно и то же самое. И если сострадание во мне уменьшится даже на немного, моя жизнь будет затухшей».

Будучи неотделимым от Ясного Света, Рамалинга говорит, что он пребывает здесь только по одной причине – сострадание. Сострадание – это творческая игра Ясного Света, его способность проявляться. Когда вы полностью устраните в себе мысли о себе и у вас не будет ничего, кроме сострадания, вы станете по качествам идентичными Ясному Свету. Когда вы перестанете рассматривать Дхарму как средство удовлетворить, возвысить и улучшить себя, помочь только себе и начнете ее рассматривать как средство помощи другим, это станет возможным. Когда вы поймете этот великий замысел Ясного Света и согласитесь проводить этот великий замысел, отдадитесь ему, когда замысел Ясного Света и ваш собственный соединятся, тогда это произойдет. Замысел этот, конечно, не основан ни на логике, ни на человеческих целях, он связан с уровнем осознанности.

«О, великий Господь, вопрошаемый как глава богов для исполнения желания! Моя душа и мое несомненно чистое знание, то есть мудрость, смешиваются в мирских вопросах только благодаря состраданию к другим живым существам. Что я могу поделать? Я не способен оставаться без этого смешивания благодаря состраданию. Моя душа и сострадание постоянно остаются во мне, как две нераздельных сущности. Если сострадание уйдет, моя жизнь покинет меня. Твой святой ум знает это».

Причина нахождения святого в этом мире – не достижение каких-либо целей и даже не самореализация, это сострадание.

«У меня лишь одно плохое качество – соединение себя с миром из-за сострадания к другим живым существам, и я не соединяюсь с миром ради какого-то мирского наслаждения, увлекшись чем-то, что я не имею сейчас. И Ты знаешь, что я не увлекался такими наслаждениями, даже когда был молодым. Кроме этой, у меня нет никакой вины, я не совершил никакого проступка. Нужно ли Тебе говорить это? Ты – безграничный, благой, милостивый Отец. Ты сам создал сострадание. Ты сам заставил придти меня в этот мир, и Ты знаешь это. Почему я должен повторять тебе это? Потому

что я Твой сын, это для меня говорится, и я говорю это. И что бы Ты ни говорил, я выносил это. И я не уклонялся от того, что Ты говоришь».

Когда говорит Рамалинга, это подобно диалогу между его эго (поверхностным умом) и тонким Всевышним Источником. Он говорит: «Я никогда не уклонялся от того, что Ты говорил». Это означает, что грубая часть ума всегда подчинялась тонкой части. Когда мы не слушаем тонкую часть, то грубая часть ума начинает ее затмевать. Тогда мы уклоняемся от послания Ясного Света, и у нас возникают желания или клеши. Если мы внимательны, эта тонкая часть всегда говорит внутри нас как спонтанно излучающаяся ясность. Сангха, Дхарма, Гуру, Три Драгоценности, можно сказать – проявления этой ясности на грубом уровне. Когда мы слушаем свою грубую часть, мы уклоняемся от этого послания. Даже если мы слышим, что-то проходит мимо ушей, мы слишком поглощены собой, мы слишком важные и у нас слишком много внутренних цепляний. Мы упускаем это послание. Когда мы перестаем слушать все эти внутренние колебания, внезапно мы к нему раскрываемся. Задача заключается в том, чтобы быть постоянно внимательным к этому посланию Ясного Света.

«Тот, кто не делает ни малейших различий при обращении с каждым живым существом как равным с его собственной душой и кто чувствует счастье из-за таких чувств, я понял, Тот, что всемогущий Господь, танцует в сердце такого человека. И мне бы очень хотелось стать его слугой».

Вначале это, конечно, кажется метафорой, красивыми словами, которые должны показывать образец. Но это не так, это не метафора. Все живые существа неотделимы от нашего ума, они являются этой энергией. Когда мы распознаем Ясный Свет в живых существах, внешние оболочки нас больше не обманывают. Обычно, когда мы общаемся, мы постоянно обманываемся внешними оболочками. Мы соскальзываем на более грубые состояния, контактируя с умом человека, с эго, с его телом и прочим. Когда же мы прозреваем Ясный Свет, мы больше не обманываемся и видим сущность каждого существа. Конечно, мы слышим его слова или понимаем мысли, он это уже неважно по сравнению с его сущностью. Он нас больше не введет в заблуждение. Мы не можем на него разгневаться, критиковать его всерьез. Мы знаем, что все это игра Ясного Света. Мы не можем разозлиться, даже если с его стороны будут какие-то уж очень скверные действия. Он в принципе нас уже не обманет, поскольку все это тот же самый Ясный Свет.

«Он наполняет нас без нашего знания о нем. И из-за этого его называют вором. Это другое значение для Того, кто делает тебя счастливым, оставаясь внутри ума, и крадет твою любовь подобно любовнику, пребывающему внутри ума любви и заставляющему чувствовать счастье».

Бог пребывает в нас без нашего знания о Нем, поэтому его называют вором. Даже когда мы о Нем не знаем, Он пребывает в нас. Есть единственный способ знать о Нем – это непрерывно направлять свой ум на Него. Когда наша жизнь становится острием, направленным на Него, когда мы вкладываем все в то, чтобы направлять свой ум, сам этот ум утончается, и тонкий ум начинает постигать этого вора, который был всегда внутри. Когда ум начинает постигать его, тогда он полностью начинает плавиться и исчезать, чувствуя свою совершенную ничтожность, совершенную внешнюю обусловленность и механичность, понимая, что он есть нечто производное, а не само по себе. И когда он подходит к полному уничтожению, внезапно мы становимся пустыми, полностью пустыми, в нас возникает настоящее смирение, принятие всего как есть без комментариев. Когда у нас возникает полное смирение, и мы становимся абсолютно пустыми, наступает ответный импульс – Ануграха. Этот ответный импульс настолько мощный, что мы даже не подозревали, что такое возможно. Это толчок, который растворяет оставшиеся иллюзии и кармы. Тогда мы видим, что практика может длиться без усилий. Более того, только без усилий и возможна истинная практика. Усилия нужны были, потому что

мы были связаны умом, своим эго и не были распахнуты этому импульсу. Импульс был всегда, но мы были для него закрыты. Когда ум очистился и утончился, ушло понятие о себе медитирующем и о себе как прилагающем усилия, мы соприкасаемся с этим мощнейшим импульсом. Тогда в нас начинает вливаться огромная энергия. Мы видим, что она всегда излучалась, но мы были на нее не настроены. Мы, ничего не делая, получаем эту огромную энергию, потому что стали просто пустыми, в нас поселилось настоящее смирение, мы перестали проецировать на реальность свои иллюзорные взгляды. Наши иллюзорные взгляды заставляют делить на то, что нам нравится и то, что не нравится, плохое, хорошее, чистое, нечистое. Мы думаем, что есть плохое и хорошее, а на самом деле все хорошее. Мы думаем, что есть чистое и нечистое, а на самом деле все чистое. Мы думаем, что есть правильное и неправильное, а на самом деле правильно все. Единственная неправильная вещь – это наш ум. Но с точки зрения святого даже ваш неправильный ум, он все-таки тоже правильный. В каком смысле? Ума не существует самого по себе, а проявления даже извращенного, заблуждающегося человеческого ума есть лила, игра Ясного Света. Может человеку и не кажется, что это лила, и он страдает по-настоящему, но святой видит, что это лила, и что Ясный Свет не страдает, а страдает конкретное эго, которое заблуждается в отношении самого себя. Это не значит, что мы не можем понимать в относительном мире, что есть низкое, а что высокое. По мере практики различающая мудрость только углубляется, и мы можем отличать даже вплоть до самых мельчайших оттенков. Тем не менее, когда мы различаем, мы больше не связываемся своим различием, как раньше. Мы видим, что все это различие – игра Ясного Света и больше не делим реальность всерьез, не схватываемся ею. Мы как бы различаем, условно говоря. Условно это плохо, а это хорошо. Условно это чисто, а это нечисто. Но в абсолютном смысле мы видим все абсолютно совершенным, чистым, поэтому у Брахмана есть термин Незапятнанный (ниранджана). Однако пока мы не прозрели в эту чистоту и совершенство, наш двойственный ум принимает и отвергает. Можно долго медитировать, но если медитация не устраняет притяжения-отвержения, эта медитация бесполезна. Можно за короткое время устранить притяжение-отвержение, и внезапно мы будем отброшены в очень глубокое состояние вне двойственности.

Это произошло с Мачиг Лабдон. Мачиг Лабдон была продвинутой практикующей, но ее ум все-таки был связан. Когда все получали инициацию, учитель ее не пустил на инициацию. Мало того, он ее избил и отругал, а затем бросил в реку. Это произвело на нее такое впечатление, что двойственные состояния ее ума растворились в течение одного дня, и еще не закончилась инициация, а она обрела пробуждение и мистические силы. Она была настолько шокирована, она так хотела получить эту инициацию, и когда Гуру так обошелся с ней, это просто убило ее эго, последнюю надежду и страх. Разумеется, она получила инициацию высшего порядка, даже лучшую, чем другие ученики, благодаря ее приверженности. Говорят, что после этой инициации она обрела способность проходить сквозь скалы.

«Не есть ли Ты Верховный Господь, который все время находится в моем уме? И Ты остаешься соединенным с моей душой. Ты – мой Отец, который охотно послал меня в этот мир. Ведь мне не нужно все рассказывать Тебе, не так ли? Но это принцип, которому нужно следовать, и поэтому я все рассказываю. Существует ли нечто, чего Ты не знаешь? Не есть ли Ты ярко сияющий плод на моей ладони? Не есть ли Ты воплощение милости и мое прибежище? Не есть ли Ты внутри меня и также снаружи? Не есть ли Ты Отец, кто устраняет все мои препятствия? Почему я должен обращаться к Тебе? В этом нет необходимости, но это такой принцип, чтобы делать, и я делал это. Твой святой ум знает все».

Реализацию обычно сравнивают с ярко-сияющим плодом, который можно видеть, как на ладони, плодом мирабалана или яблока, растущего в Индии. Когда наш ум сияет, реализация подобна такому плоду, который мы можем видеть прямо – воплощение милости. Когда исчезает двойственность, мы обнаруживаем Ясный Свет как такую милость, как то, что достается даром, как то, что дается, а не достигается. Разумеется, вначале мы чувствуем, что мы достигаем, и что без наших усилий не обойтись. Это так. Если вы не будете прилагать огромных усилий и в служении, и в практике, и во

внимательности, вы не достигнете. Вы накопите заслуги, это так, и в следующей жизни можете переродиться на небесах махасиддхов, в Чистых Землях, это неплохо. Но для того чтобы реализовать большее, нужны огромные усилия. Эти усилия нужно прилагать, чтобы очистить себя. Когда же мы очистили ум, мы обнаруживаем, что усилия нужны не для достижения Ясного Света, а для очищения ума. Сам Ясный Свет проявляется как милость, то, что дается, потому что то, что происходит затем, настолько беспредельно, что мы видим, что наши усилия не соизмеримы. Разумеется, даже смешно было бы думать, что двенадцатилетние усилия приведут к достижению вечности. Миллиарды кальп назад и вперед существует бесконечный Ясный Свет, а мы за двенадцать лет его реализовали быстро, три года посидев в ритрите. Это, конечно, невозможно. Мы очистили ум, но все остальное произошло по милости, как подарок. Поэтому истинное Просветление – это всегда такая милость и всегда такой большой подарок. Но мы можем получить его, только когда у нас полностью исчезнут цепляния за «я», наши надежды и страхи.

Истинное прибежище, разумеется, это только недвойственность. Гуру, Дхарма и Сангха – это только этот изначальный Ясный Свет. Когда мы приходим в Сангху, это подобно тому, словно мы устраиваемся на великую и богатую фирму или приходим на службу к царю. Мы соприкасаемся с чем-то огромным, величественным, запредельным (я имею в виду в духовном смысле). Если вы смотрите на Сангху, как на две деревни, тридцать человек и четыре коровы, то это, конечно, не та драгоценность, в которой надо принимать Прибежище. Очевидно, вы просто смотрите и совсем ничего не видите. Сангха – это огромный сонм святых, божественных существ, махасиддхов и Ясный Свет, который проявляется за ними. Поэтому, приходя в Сангху, вы приходите в великое измерение. Когда ум утончается, вы можете видеть истинную Сангху. Если вы хотите принять Прибежище в Ясном Свете просто как таковом, напрямую, скорее всего, у вас это не выйдет. Это подобно тому, как если вы хотите попасть к президенту, вы просто его не поймаете, у вас шакти не хватит войти в его кабинет, вас остановят сразу у первых ворот, и вы эти первые ворота не пройдете. Может быть, конечно, очень льстит самолюбию, что ты можешь сам, минуя все, попасть прямо, однако первый охранник вас остановит, не говоря о более высоких инстанциях. Тогда вы подумаете, что надо действовать по-другому, через секретаря или через приемную президента, надо найти связи и заручиться поддержкой, тогда они устроят эту встречу, возможно, что-то получится. Таким же образом, когда мы медитируем, и внутри нас появляются разные тонкие состояния, мы будем остановлены ими, просто схвачены даже без спросу. Мы не знаем об этом. К примеру, так же как коровы не знают, что люди их контролируют, думают о них, строят на них планы, планируют их жизнь, они просто жуют траву, видят, что ее кто-то им приносит, но силы сознания у них недостаточно, чтобы сделать анализ. Таким же образом человеческая жизнь контролируется могущественными тонкими состояниями. Эти состояния персонифицируются как божества, к примеру, Ямараджа, Владыки Кармы и прочие. Мы можем не знать, но наша судьба уже записана в книге жизни: жизнь, рождение и смерть. Эти божества уже давно решили, что нам надлежит по карме, если мы не развиваемся сами. Эти божества есть тонкие аспекты нашего собственного ума, и для того чтобы их пройти, мы должны развить более тонкий ум.

«О, Достойная Вещь, равная всем! Вплоть до этого времени я переживал страхи, страдания, трудности и все беспокойства через недостойную личность во мне только ради всех других, а не ради меня самого. И я заявляю об этом намерении у Твоих золотых стоп, подобных цветку. Я не имею ни в малейшей мере никаких увлечений, никакого страха или беспокойства из-за себя».

Рамалинга говорит здесь, что он переживал различные страхи и страдания через свою личность только из сострадания к другим, однако из-за себя у него не было даже тени беспокойства. Когда возникают различные трудности, это означает отсутствие истинной веры. Духовный путь действительно очень труден. Но если эта трудность становится психологической, это следствие слабой веры: трудностей нет, а есть просто отсутствие веры, и все. Когда у вас есть вера в это изначальное сознание, даже если возникают трудности, вы их проходите играючи, вы смеетесь над ними. Когда вы думаете: «О, я так устал. Мне нужно как-то подбодриться, мне нужно послабление», нужно подумать:

«А почему устать от бхакти это плохо? Почему я имею такое сознание? Почему я боюсь устать от служения? Мирские люди устают от своей работы каждый день десятки лет». Или: «Я страдаю от неиспользованных желаний и прочего». Если у вас есть истинная вера, вы можете подумать: «А почему бы не пострадать на духовном пути? Почему это плохо?» Разумеется, нет смысла искать страданий. Однако когда у вас есть эта вера, вы можете все рассматривать позитивно, превосходно, думая: «Это самый лучший способ превзойти мою карму». Или: «Со мной так плохо общаются, ко мне так предвзято относятся», если у вас слабая вера, это будет ввергать вас в уныние. Если она сильная, вы можете думать: «Вот это да! Вот это здорово! Кто мне еще так отмоет карму в короткое время? Это просто благословение какое-то. А если бы все это в Бардо проявилось? Сколько жизней еще я бы за эти вещи цеплялся? Сколько бы я был еще таким глупцом? А здесь все за несколько месяцев открывается, и мне показывается ясно. Я бы нигде не развил такую практику терпения и смирения. Мое эго продолжало бы раздуваться из жизни в жизнь». Такая вера является способом все превратить в духовную практику. Когда вы ее обретаете, вы обнаруживаете, что ваше ложное «я» полностью исчезло, и вас больше ничего не интересует, кроме такой абсолютной веры. Это безграничное доверие к Всевышнему Источнику без надежды и страха.

Раскрытие Ясного Света Рамалинги.

«И даже хотя я не имею никакого беспокойства и страха ради себя, страх страданий и беспокойство возникает во мне к другим из-за сострадания. Они съедают мою жизнь, и я не могу выносить это более. Если так будет продолжаться далее, тогда, о, мой Отец, Мать, Гуру, Ты даруешь мне свою милость и спасешь меня».

Методом Лайя-йоги является – когда приходят страдания, смотреть в их источник и за каждым страданием наблюдать безграничный Ясный Свет. Все годится для практики: случается ли нам испытывать переживания в медитации, страх, боль или наслаждения, истинный созерцатель не обманывается никакими эмоциями или переживаниями. Говорят, что он все воссоединяет. В глубине каждой эмоции безупречно сверкает безграничное пространство Ясного Света. Только незрелый практик обманывается этими эмоциями.

«С того времени, как я осознал мир, это значит с детства, с трех или четырех лет и по этот день я делал только то, что Ты мне приказываешь делать, и я не делал ничего другого, нежели это, к тому же вопреки моим увлечениям и желаниям. Почему я должен говорить об этом? Твой святой ум знает все».

«Я делаю только то, что Ты мне приказываешь делать, и не делаю ничего другого». Когда мы разъединены с великим Источником, то мы делаем то, что диктует нам внешний мир и чувства. До тех пор, пока мы его не открыли, мы делаем то, что диктует нам ложное эго. Когда мы подчиняем ум Гуру, Дхарме, мы учимся такому отречению, аскезе, самоотдаче. Это подготовка к великой самоотдаче, все это малая самоотдача. Наверное, вы понимаете, о чем я говорю. Когда ум хочет одно, а если ты монах, надо делать другое, и у тебя выбор, но если ты уважаешь свой выбор, ты делаешь не то, что хочет ум, а то, что надо в данной ситуации. Конечно, если ты не уважаешь себя как монах, ты можешь делать то, что хочет твой ум, однако духовный путь твой подрывается в противном случае, и тебе все равно придется возвращаться к этому. Это малая самоотдача. В конечном счете, она приводит к великой самоотдаче, когда мы распознаем Ясный Свет и полностью подчиняем себя ему вопреки увлечениям и желаниям наших низших витальных потребностей, нашего ума, эго, вопреки им всем, пока не восстановится это совершенное послушание, абсолютное соединение. Когда мы восстановим свое единство с Ясным Светом, эго уже становится безвредным, оно полностью ему подчинено. Ум, желания больше не отделены от Ясного Света, у них нет даже и речи, чтобы действовать самостоятельно. Они становятся полностью его служителями, нет даже миллиметра на то, чтобы действовать независимо.

«Я не желаю ни умирать, ни жить подобным образом. Я не хочу быть рожденным снова. Я не хочу становиться тем, кого будут восхвалять другие как великого человека. Я не хочу делать никаких удивительных чудес. Я не хочу отрешаться и я не хочу быть в горестных условиях».

Если вы хотите реализовать этот Ясный Свет, вы должны позабыть о всяком поползновении эго самоутвердиться за счет гордости, славы, статуса, положения, чудотворных сил и прочего. Говорят, есть два рода сиддхи. Первый – кальпита-сиддхи, второй – акальпита. Первый вид сиддхи проистекает из мантр, магических практик, приема магических наркотиков, подчинения духов. Это неестественные, искусственные, колдовские сиддхи. Вторым видом – акальпита, которые возникают благодаря естественному, практике созерцания, они от Ясного Света. Если говорить терминами христианства, первые – от дьявола, вторые – от Бога, хотя у нас нет такого деления. Но скажем так, первые – отклонения, побочная ветвь, необязательно ты владеешь Ясным Светом, колдовство, магия. Вторым видом сиддхи – истинные. Они проистекают из Ясного Света. Можно сказать, йогини их не добиваются, но если в силу кармы они возникают, то как контроль пран, элементов и прочего, тем не менее, к ним нет ни малейшей привязанности. Практикуя, вы должны отречься от этих малых магических сиддхи ради одной большой сиддхи Ясного Света. Рамана говорил так: «Если есть мистические силы, то должны быть и другие, кого надо ими удивлять. Это противоречит недвойственному взгляду. Поэтому истинный йогин не жаждет сиддхи, а хочет одну большую сиддхи – состояние Ясного Света». Вначале мы не понимаем, что это махасиддхи и думаем: «Она может и не проявляться, это что-то очень тонкое, эфемерное». Это так только до наших опытов. Когда мы погружаемся в этот Океан Света, все внешние чудеса становятся просто его жалким подобием. Другое дело, что махасиддхи так владели Ясным Светом, что он мог даже проявляться в этом мире. Это факт. Это указывает на то, что Ясный Свет низошел очень глубоко в каналы.

«О, мой Отец, даже раз я не сделал чего-либо согласно природе этого мира, что бы Тебе не понравилось. Я делал только то, что Ты хотел, чтобы я делал. Я не сделал ничего другого, только это, и Твой ум об этом знает».

Не делать ничего, что не понравилось бы Абсолюту. Все это метафоры. Рамалинга говорит на языке того времени. Это означает, нет ни одного отклонения от осознанности. Вы всегда сознательны к этому безграничному состоянию, вы боитесь от него отойти даже в малейшей степени, так вы дорожите им. Вначале, если ученик не раскрыл путь созерцания или бхакти, обычно он практикует путь поклонения Гуру, святым, максимально устраняя свою волю, чтобы научиться подчинять себя в любой ситуации абсолютной воле. Затем у него появляется зрелость, и он обретает созерцание. В Лайя-йоге мы практикуем сразу же созерцание, отсечение параллельно. Те, у кого сильная ясность и высокий интеллект, им лучше дается созерцание, а отсечение «я» наступает позже. У кого есть способность отпустить себя, у него самоотдача выходит быстрее, а созерцание возникает позже, когда двойственное представление «я» уходит. В любом случае, это как два крыла.

«Даже когда родители пытаются учить своих детей сладкими словами, подходящими к их пониманию, дети убегают и прячутся от них, заставляя родителей отыскивать их. О, мой Господь! Прятал ли я когда-либо себя подобно этим детям? Святой ум знает, что я не поступал таким образом».

Это означает, что мы ничего не должны прятать. Все цепляния, страхи, привязанности, желания должны быть прямо показаны этому Ясному Свету, обнажены и растворены. Ни малейшей, даже самой малой вещи не должно остаться, что мы хранили бы для себя в качестве тайника на черный день, в качестве пути к отступлению. Отсечь надежду и страх – только тогда возможен контакт с Ясным Светом.

«Здесь он говорит, что некий добродетель дал ему немного денег, хотя он ничего и не просил. Вероятно, это были деньги одного из доброжелателей на лекциях, которые он проводил, когда был юным. Когда он взял деньги, а потом выбросил их, то он чувствовал себя очень испуганным из-за этих денег. Деньги создают потребности, творят иллюзии и будут портить ум. И как сильно он переживал и тревожился от этого чувства, и святой Отец знает это.

«У меня не было никакого интереса к деньгам или к зарабатыванию их. Я не только их не имею сейчас, но даже не имел, когда был молодым. Ты, кто пребывает внутри меня, хорошо знаешь, что деньги, которые мне давали люди, я выбрасывал вблизи могильной насыпи».

Примечание: Как свидетельствует его биография, некоторые люди давали святому деньги за лекции, которые он проводил, когда был юным в доме его брата. Говорят, что он бросал деньги обратно или же выбрасывал их где-то по пути, никогда не заботился о том, чтобы их получить или заработать.

«О, Господь! Ты знаешь, как сильно я раздражался в тех случаях, когда люди, любящие меня, давали мне принудительно деньги и упрашивали меня взять их».

Часто иногда даже в монашестве у нас могут возникать желания. Вроде бы ты отрекся от всего мира, но когда не получаешь то, что привык получать, у тебя возникает раздражение. Мы должны ценить свое отречение. Если уж мы пожертвовали всем миром, то раздражаться из-за того, что твоя обувь старая, а у соседа – новая, это забывать о своем великом отречении. Истинный йогин очень спокойно относится к любимым вещам. Есть у него что-то – он принимает, если это разрешено. Нет – он не забывает свой ум страданиями. Когда мы укрепляем благополучие сангхи, следует всегда иметь такую тенденцию, это мы делаем как подношение Дхарме. Если у нас здесь будут просто бревенчатые дома, то другие живые существа не привлекутся Дхармой, у них не хватит силы духа практиковать в плохих условиях, не возникнет вера, уважение к Дхарме. Мы планируем строить дворцы, клеим обои, делаем дороги и прочее. Однако все это всего лишь подношение Дхарме, это не следует рассматривать как комфортизацию собственного эго. Мы заботимся, чтобы был вкусный прасад, стараемся держать высокие стандарты – это подношение Дхарме. Это не предназначено для самоудовлетворения нас как монахов.

«О, мой Отец, Твой святой Ум знает, что я никогда не просил, не желал даже простой просьбы, чего-то подобного дому, чтобы в нем жить, богатства, красивой одежды, прекрасных драгоценностей и т.д. У меня не было даже желания наслаждаться силами и удовольствиями власти короля в этом мире или любой подобной вещью. Когда бы я ни думал об этом, мне это не нравилось. Другими словами, у меня не было никакого желания даже в наименьшей мере получить наслаждение властью короля богов, дэвов или стать творцом, хранителем миров, называемым Вишну. Мой Отец, твой Ум знает это хорошо».

Йогина подстерегает соблазн. Соблазны начинающего невеликие. Если у вас мало праны и слабая концентрация, то какой соблазн? Поспать, переест больше, чем надо – это соблазн, мара, дьявол для монаха. Когда у вас много праны, концентрация, вы становитесь подобны богам. Здесь совсем другие масштабы, вы уже нечеловеческая личность. Соблазн творить самостоятельно, властвовать, повелевать стихиями, людьми или духами, забавляться способностями. Все это, если делается как услада индивидуальной личности без созерцания Ясного Света, это тот же мара.

«О, мой Отец! Когда бы я ни увидел и ни взял приятную вкусную пищу, мне было немного страшно и стыдливо. Когда друзья приглашали меня как гостя на хороший обед по случаю праздников, я говорил им добрые слова, скрывая мой голод. Уходил оттуда с некоторым страхом и оставался спокойным, не принимая никакой пищи».

Вот как описывает святого его ученик: «Святой был настоящим скелетом, то есть он был очень худым, но он был очень крепким и сильным с большим запасом жизненных сил. И никогда, казалось, не отдыхал».

Когда вы контролируете желания, у вас много праны. Тогда, конечно, вы можете спать не восемь часов, а три-четыре часа, как это делают опытные монахи. По крайней мере, вам точно не хочется спать во время Бхаджан-мандалы.

«О, мой Отец! С шокирующим чувством и страхом, что если мы возьмем хорошую вкусную пищу, то может случиться какое-то плохое событие, я просто держался спокойным с пустым животом, не принимая никакой пищи. Когда люди, которые могут любить, давали мне что-то из любви, то я со страхом молился Тебе, не оставался жестким в своем сердце и был не способен отказать и принимал их пищу».

В период юности Рамалинга практиковал аскетичное поведение, можно сказать, состояние Сутры.

«С того момента, как я начал понимать, что мир не способен выносить сильное чувство моей матери, я брал пищу полностью в эти дни. Я брал пищу в другие дни, не способный выносить сильных чувств близких родственников, дорогих друзей и тех, кто меня любит».

Родственники заставляли его принимать прасад, чтобы поддерживать нормальное состояние. У самого него не было никаких желаний.

«О, мой Отец, даже когда я был слишком молод, чтобы понимать мир, Ты, кто соединился со мной и кто остается во мне, не будучи отделенным, если Ты знаешь все, почему я должен говорить об этом сейчас? Даже хотя я сам не получил достаточного контроля над моим умом, все-таки я желаю амброзии Твоей святой милости и не имею никакого интереса к другому вкусу какого-либо вида даже в наименьшей мере. И Ты, мой Отец, знаешь это».

В следующих станцах он говорит, что его ум очень нежный, его тело очень утонченное и нежное, и его природа тоже очень нежная. Он начинает станцы, говоря, что он остался как воплощение сострадания даже без малейшего изменения, и что он имеет сильное чувство, которое возникает в силу постоянного сострадания».

Нежное – имеется в виду, чистое видение. Когда у вас развивается чистое видение, ваша прана утончается, ваш ум также утончается, и если вы не практикуете садханы гневных божеств, иногда вам даже трудно жить в этом мире, у вас все очень-очень тонкое и видение обычных людей кажется грубым. Те, кто не едят мясо, практикуют созерцание, обретают чистое видение. К примеру, если через некоторое время вы съедите мясо, вы почувствуете, словно в вас вошла какая-то жесткая, яростная энергия, вам это будет ясно, ваше тело сразу почувствует это. В учении Йога-тантры мы практикуем чистое видение не только в отношении мирных божеств, но также в отношении гневных, яростных энергий. В таком случае у йогина не возникает проблем с внешним миром. Он обретает большую духовную силу даже при контакте с нечистыми, с негативными энергиями. Если же он практикует путь Сутры, то он становится очень чувствительным.

«Он говорит, что он всегда остается думающим о Боге и о путях, как достигнуть его милости. Об этом упоминается все время».

«О, моя святая Мать! О, мой святой Отец! О, мой сладкий, подобный амброзии! Танец в священном доме мудрости и делание только того, что желает от него Бог. Зная о моей физической и ментальной утонченности, если Ты не сжалишься надо мной и не даруешь мне Твою милость, кто еще в этом несчастном мире сжалится надо мной? О, мой Ум, ты понимаешь, что сексуальный инстинкт».

очень сильный и заставляет сходить с ума, лишает истинного знания в Тебе. Он заставляет тебя терять равновесие и здравый смысл суждения.

Человеку, закрывающему глаза в темноте и пьющему какой-то опьяняющий напиток, который принесет огромное разочарование в духовном развитии. Если кто-то будет постоянно думать о ближнем или о Боге, у него не будет проявляться сексуальный инстинкт. Только новички допускают занятия сексом, но это непозволительно для тех, кто продвинулся в духовном развитии. Если жизненная энергия, которая в семени, будет часто растрачиваться через занятия сексом или другим каким-либо образом, то подобно фитилю от горящей лампы, человек потеряет фитиль в жизненной лампе и скоро умрет. Лишь когда мы очищаем фитиль, чтобы лампа горела более ярко, мы можем избавиться от плохой энергии, занимаясь сексом один раз в полмесяца, и это для личности, которая начала свое духовное развитие, то есть для новичка, а не для продвинутого практикующего».

Он дает советы ученикам-мирянам, монахам это не подходит. Не все, что говорят святые, следует воспринимать буквально.

Здесь он говорит:

«Но если кто-то очень серьезен и совершенен, и имеет своей целью Бога и сострадание ко всем живым существам, то у него не будет негативной, испорченной энергии, поэтому ему не надо тратить жизненную силу в сексе и его жизнь будет долгой».

Терять при сексе энергию с семенем для йогины – это абсолютный минус, это терять жизненную прану и все свои духовные устремления. Кроме того, что забиваются нади и ум, возникает сбивающая прана, которая сбивает созерцание, это также энергетические потери, которые восполняются пищей только через две недели.

«О, мой Отец, такой добрый, как множество матерей! О, один единственный верховный Господь! Когда бы я ни говорил или ни рассказывал о Тебе, мой рот становится слаще всего на свете. Когда бы я ни подумал о Тебе, мой ум становится блаженным. Когда я осознал Тебя, все мое истинное знание становится блаженным. Когда это так, как я могу описать безграничное блаженство и счастье, которое я получаю?»

Вам нужно понять, о чем говорит этот святой. Если вы пребываете в духовной летаргии, в духовном сне, живете в прострации день ото дня, «варитесь» в соке своих желаний и эго, вы очень далеко от этого. Вам следует всегда думать, какое сознание имеют святые. И думать так: «Я должен оставить свое сознание с тем, чтобы воспринять сознание святого». Святые живут в блаженстве, в непрерывном экстазе единства. Они настолько им опьянены и поглощены, что испытывают сильное блаженство даже физическое, не только умственное. Можно сказать, вся их жизнь становится песней, танцем, непрерывным экстазом, радостью, когда он думает: «Это настолько хорошо, что это невозможно». Тем не менее, испытывая такое блаженство, он не привязывается к этому. Для того чтобы пребывать в таком состоянии, мы должны непрерывно, правильно заниматься созерцанием, направлять свой ум, фокусируя его на единый Источник.

«Могу ли я забыть Тебя, когда я никогда не знал, как можно забыть о Тебе? Если я забуду Тебя, я умру. Я не могу вынести даже секунды. Это обещание для Тебя».

«Я не могу вынести даже секунды». Для святого даже малейшая разлука с этим видением Ясного Света представляет собой страдание.

«Много раз я забывал о моем теле, моей душе, моих чувствах и обо всем этом мире, но я не помню, чтобы я забывал о Тебе. У меня нет никаких желаний, кроме как достигнуть Тебя. Я не буду

желать получить ничего другого, кроме Твоей милости. Мне не нравится думать ни о чем другом, как о Твоей славной милости».

Продвинутый йогин отличается тем, что ему не нравится думать ни о чем другом, кроме как об Абсолюте. «Думать», этот термин пусть не вводит вас в заблуждение, поскольку в Учении мы говорим больше созерцать, пребывать вне медитации. Это состояние гораздо глубже, чем думать, чем мысли. Предполагается, что опытный практик позволяет уму двигаться, и он может думать о нейтральных вещах, святых и даже неблагоприятных. Тем не менее, сам он в думании не участвует, он непрерывно находится в созерцании за пределами мыслей, воссоединяя любое движение мысли с состоянием Ясного Света. Таким образом, он не разлучается никогда с этим. Но до тех пор, пока искусство созерцания не достигнуто, следует учиться буквально умом и мыслями думать о правильном объекте. Поскольку если вы будете думать о мирских, нейтральных или неблагоприятных вещах, то вам не удастся воссоединить их с созерцанием. Это будет просто отвлечением. Мысли обладают большой силой и зарядом.

«Мне жаль, что Ты не даруешь мне исполнения всех моих молитв. Мне жаль, что я не могу любить всех любимых живых существ. Я должен ходить всюду и достигать каждого места, должен распространять и говорить о Твоей великой славе и о Твоей милостивой природе».

Эти строки надо слушать немного с другим сознанием. Вы видели собрания христиан, харизматов, евангелистов, где они говорят: «О, мой Господь!»? Понимаете, если вы слушаете эти строки с устало-безрадосто-спящим сознанием, то это как апарадха, маха-апарадха. Это строки, перед которыми надо плакать от благоговения. Но если у вас сознание не поднимается, то только сострадать можно.

«Я должен распространять путь шуддха-санмарга, и весь мир должен оценить величие Света Милости. Если я допущу какую-то ошибку, Ты должен вытерпеть ее и простить меня. О, Господь! Я хотел бы условий, в которых я всегда бы был с Тобой, всегда помня о Тебе, не будучи отделенным от Тебя. Все страдания и беспокойства ушли. Блаженство и счастье стали моим другом, Свет Милости окружил Тебя и полностью наполнил Тебя, и он Твой собственный. Ты стал владельцем счастливого состояния шуддха-санмарга. После устранения всех злодеяний и грубостей, после убеждения каждого следовать доброй дорогой, которая есть путь шуддха-санмарга, после обретения реально счастливой жизни Ты пожелал сделать всех живых существ ведущими счастливую жизнь. Согласно Твоим желаниям, о, мой Возлюбленный, я умоляю Тебя сотворить это в условиях бессмертия, на очень долгое время навсегда пребывать в счастливом состоянии. Я даю Тебе управление священным Светом Милости. Я никогда не оставляю Тебя, я никогда не унижу Тебя. Это мое обещание и это мое обещание. Благослови меня с этими святыми, блаженными словами, о, мой Восприемник! Ты пребываешь со мной, о, Всемогущий, владеющий всеми мистическими силами. О, Король святых танцоров, пребывающий ясно сияющим в красивом доме мудрости. Когда бы я ни был счастлив, я чувствовал счастье, думая о Твоей природе. Когда бы слезы ни падали с моих глаз, я чувствовал мысли о Твоей милости. Когда бы я ни просвещал запутанное и обеспокоенное состояние ума тех, кто ко мне приходил, я просвещал их замешательство и беспокойство только говоря о Твоих великих качествах. Я не помню, чтобы я делал что-либо еще. Нужно ли мне говорить Тебе все это так часто? Твой святой Ум все это знает».

Он говорит: «Я не помню, чтобы я делал что-либо еще». До тех пор, пока мы не соединились с этим великим Духом, мы делаем множество вещей. Когда мы входим в естественное состояние, мы не помним, что мы делаем еще что-то, кроме созерцания этого великого Духа. Даже если это делается, все это уже к нам дела не имеет. Поймите, быть в естественном состоянии, это означает, не ходить, не

делать, не есть, не спать, не говорить, а только быть в Нем. Если что-либо проявляется, это видимо другим, но ваш ум занят воссоединением и ведением этого великого Источника.

«Принимая пищу, сливаясь с Тобой и становясь счастливым, засыпая и пробуждаясь, осознавая мирской опыт, становясь счастливым после обдумывания, изучения всего, что нужно знать, и впадения в глубокую продолжительную любовь к Тебе, у меня не было никакого другого переживания кроме Тебя».

Эти строки – самая соль, квинтэссенция наставлений по Лайя-йоге. «Никакого другого переживания кроме Тебя». Здесь нет ни одного указания на делание чего-то по моей воле или разумению без Тебя. Он говорит, что даже нет ни малейшего намека, чтобы я делал что-то, что было бы отдельным от видения Тебя, по своему разумению, по воле своего эго, низших частей ума, витала, тела и прочего.

«Твой ясно сияющий святой Ум знает все. Нужно ли мне говорить так часто Тебе об этом?»

Если тупой сын избивается отцом, мать, увидевшая это, тотчас обнимет сына. Если та же мать в гневе бьет сына, отец остановит мать в ее наказании и обнимет сына. Таким наказывающим отцом и матерью в этом мире для меня есть Ты. Тогда я молюсь Тебе: прекрати меня бить и обними меня. О, мой святой Отец и Мать! Я не могу выносить наказания в будущем, подобно тому, если Ты хочешь наказать меня как отец, Ты, будучи матерью, также обнимешь меня как мать. И если Ты хочешь наказать меня как мать, Ты, пожалуйста, обними меня как отец. Вы оба есть и отец, и мать для меня».

Быть искусным в единстве с Великим Источником – это означает, что когда бы ваш ум, желания ни пытались вас наказать, вы всегда можете воссоединиться с ним. Когда вас наказывает какая-то часть вашего «Я» в виде страданий, болезней тела, мирских желаний, гордости – это все наказания вашей кармы в виде бессознательности, тяги в сон, чрезмерной захваченности желаниями. Все это наказания, прошлые кармы действуют. Искусность йогина заключается в том, чтобы все равно воссоединиться с Великим Источником, превратив наказание во благо.

«О, Глава священных танцоров, ярко сияющий, подобно сияющей драгоценности, Ты благословляешь меня достигнуть окончательного истинного состояния посредством исконной Мудрости. Люди ходят повсюду и кричат самым громким голосом о множестве «измов» и о многих религиях, но они не находят никакого добра в результате следования этим «измам» или религиозным деятелям. Они умирают, в конце концов, и превращаются в пепел после смерти, или они гниют и становятся пылью земли. Думал ли я когда-либо об умирании подобно им? Я желаю достичь высшего состояния, никогда не умирающего состояния. И Ты позволил мне достичь этого состояния. Я молюсь Тебе, открой святую дверь и дай мне амброзию, и благослови меня достигнуть этого окончательного состояния, открывающего все как истинную Мудрость. Я не могу стать отдельным от Тебя даже на секунду. И даже если я воображаю о таком отделении, о, увы, знаешь ли Ты что мое тело, мой ум, моя душа, и мое глубокое сознание обретают ощущение обморока и сильного шока?»

Когда мы слышим слова святых и их мировоззрение, мы обнаруживаем, что нам есть чему у них поучиться. Это совсем другое видение, нежели наше обыденное. Они стремятся к Богу так же, как тонущий хватается за соломинку или как умирающий в пустыне желает пить. Мы всякий раз должны сравнивать свое видение с видением таких святых, чтобы не ошибаться в практике. Обычно учение Лайя-йоги – это не столько эмоции и внешнее проявление, сколько неуклонная ровная внимательность и бескомпромиссное подчинение своего «я» Источнику Ясного Света, а когда приходят искушения и соблазны, это продолжение такого подчинения. Когда вы начинаете практиковать, то все кармы восстают, и вы испытываете различные искушения. Только тот, кто может пройти эти искушения до конца, воссоединится с Ясным Светом. Противостоять искушению привязанности к еде означает быть

сознательным во время еды. Это не означает поститься. Поститься – это другая крайность, это не трудно. Но быть сознательным, когда ешь, это сложнее. Противостоять искушению сна, когда спать не надо, это означает закусить губу до крови и думать: «Я буду бодрствовать» или сесть в падмасану. Таким образом монах учится противостоять искушениям. Противостоять искушению привязанности – выйти в мир лишний раз, посмотреть, как там живет сансара, не исчезла ли еще. Нужно противостоять отречением, отсечением, думая так: «Я здесь проживу до конца всю жизнь, пока не войду в Радужное тело, или буду здесь бессмертным». Противостоять чувству гордости смирением и отсечением гордыни.

«Я не могу выносить быть разделенным даже в наименьшей мере с моим Партнером, который имеет глаза видеть все, когда ты не видел, и чтобы мой ум не получал ощущения обморока, ощущения сгорания, подобно гхи, выливаемого в огонь и становясь обгоревшим, даже говоря о разделении».

Рамалинга, описывая изначальное «Я», часто говорит: «Нужно ли мне повторять об этом?» Его стихи и обращения – это не более чем лила, игра на благо других, поскольку он сам находится в непрерывной недвойственности. Однако его «я» ведет диалог с этим Великим Светом, описывая это словами на благо других, чтобы передать это переживание другим людям. Он говорит, называя Его своим Партнером. Он называет Его Матерью, Отцом, Другом, Возлюбленным. Говорит, что «я не могу расстаться с Тобой даже на миг». Таким же образом, когда мы открываем изначальный Свет, наша задача – не расставаться с ним даже на миг, потому что расстаться даже на миг с этим изначальным Светом – это подобно духовному удушью, которое чувствует йогин. Все живые существа в сансаре разъединены с этим Вселенским Светом. Даже когда они вступают на духовный путь, становясь йогами, монахами, испытывая переживания, они имеют ложное чувство «я», которое практикует и прочее. До тех пор, пока созерцание не прояснится и самоотдача не отсечет это чувство «я», такое разъединение будет. Когда же созерцанием и совершенным отсечением мы обнажаем чистый Ясный Свет, то видим, что это то, к чему мы стремились на духовном пути, даже не зная, что же мы искали вначале. Мы понимаем, что нет нужды держаться чего-либо другого, кроме этого. Внезапно сущность Гуру проясняется для нас, если она раньше не была ясна. Сущность всех учений, методов Тантры, сутр, то о чем говорят святые, становится ясно, так же как плод яблока на ладони. У нас уходит вся неуверенность, замешательство, и мы больше никогда не будем сбиты с толку.

«О, мой Бог, ты слаще, чем отфильтрованная сладкая амброзия, которая сделана через смешивание трех соков трех плодов: манго, плантана и джекфрукта, извлеченных и отфильтрованных отдельно, в которые добавляют сахар и сахарную леденцовую пудру в достаточном количестве, смешивая специально со сладким пахнущим медом, добавляя коровье молоко и нежный кокосовый сок, и также добавляя сладкие орешки, которые кладут, смешивая специально с прекрасно пахнущим гхи, и после чего это подогревается».

Очевидно, это шлока специально для сублимации карм кулинаров. Здесь Рамалинга сравнивает Его с разными вещами и описывает сложные, очень вкусные блюда, приготовляемые в Индии, говоря, что изначальный Свет превосходит самый лучший вкус этого блюда. Это следует понимать не только как поэзию, это следует даже понимать буквально. Дело в том, что все ощущения, переживаемые нами в теле, неотделимы от Ясного Света. Переживаемый вкус, когда мы едим прасад, инициация прасада – это именно инициация получить ощущение единого «вкуса». Абсолют – это не только то, что абстрактно можно переживать в самадхи. Сиддхи говорят, что в Тантре Абсолют – это то, что можно даже чувствовать на вкус, потому, что все вкусы, переживаемые языком, в конечном счете, происходят из единого великого вкуса, поэтому это йогическое сравнение.

«Могу ли я сказать, что Ты есть моя мать, подобно возлюбленному отцу? Мой Отче, глаза и глава над каждым! Чем больше я думаю о Тебе, тем больше я получаю блаженства в моем уме. Что я могу сказать?»

Рамалинга находился в состоянии непрерывного духовного блаженства и опьянения. Говорят, что он был так красив, что его имя Рамалинга Свамигал происходит именно от этого. Оно переводится «красив, как новобрачный». Когда он гулял в уединении в каких-то городах, то незнакомые женщины подходили к нему, хватали его за руки, давали ему деньги и прочее. Такова была его божественная притягательность.

«Даже в моих мечтах я никогда не утрачивал любовь по отношению к Твоей чистой и священной милости».

Рамалинга здесь говорит другим языком, нежели принят у нас. Это язык, связанный с эмоциями. Для него Абсолют проявлялся как непрерывная милость. Поскольку он был йогиним высшего порядка, он не нуждался в садханах, предварительных практиках, в созерцании, размышлении о непостоянстве и прочих вещах. Он мог непрерывно находиться в состоянии Ясного Света. Все, что он воспринимал, это было милостью. Милость, подобная царской, это означает – на ступени за пределами усилия и немедитации изначальный Ум с такой силой проявляет себя, что это напоминает подарок, то, что достигается самопроизвольно, без йогических практик. Это подобно тому, как если вы подняли глаза к небу, нет нужды какого-то усилия делать небо или его рассматривать. Оно так огромно, когда вы смотрите долго, кажется, что оно обрушивается на вас. Рамалинга говорит, что в этом состоянии важна только любовь к этой милости. Любовь – это страстная направленность ума к этому Ясному Свету, подобно пыланию, подобно пламенному горению. Страстная – это не означает грубая, скорее, это означает тотальная устремленность. Когда человек любит что-либо и кого-либо, то в нем есть такая страстная устремленность к объекту. Здесь Рамалинга говорит, что должна быть такая непрерывная тотальная устремленность к этому Ясному Свету, которая пылает и сжигает самсары, наше ложное «я» и все привязанности. Если пока нет такой устремленности, то ум неустойчив. Он думает сегодня об Освобождении, завтра он думает о наслаждениях сансары, послезавтра выясняет отношения с другими. Все это происходит, потому что ум не обрел этой страстной преданности Ясному Свету. Когда же она открыта, то обо всем этом йогин просто забывает. Это ему кажется просто детскими игрушками. Какие наслаждения? Какие привязанности? Какая сансара, когда ты сходишь с ума по Абсолюту, и для тебя больше ничего не существует? Какая гордость? Какие статусы и выяснения отношений? Все это забывается и оставляется. Такой йогин непрерывно опьянен этим божественным экстазом. Он танцует и поет в своей душе, и непрерывно созерцает Абсолютное. Для него больше не существует никаких ограничений, человеческих привязанностей или ума. Он отбрасывает логику, писания. Живой Бог танцует в его сердце. Ему больше не нужны ни писания, ни логика, ни ссылки на теории пандитов и прочее. Он день за днем из секунды в секунду проживает эту тотальную поглощенность этим Великим Светом. Мир как таковой для него перестает существовать. Все находится в связи с этим Великим Светом.

«У меня была любовь только по отношению к Твоей священной милости. И у меня не было другой любви, не знаешь ли Ты?»

Однако здесь не должно быть компромиссов. Если у вас есть другая любовь: любовь к желаниям, к своему «я», самоудовлетворению через эго и прочее, то ваша абсолютная любовь к изначальному «Я» никогда не будет тотальной, и вы не сможете обрести этот великий подарок – Просветление. Любовь эта должна быть однонаправленной, бескомпромиссной. Другими словами, когда йогин видит другого человека, если он истинный йогин, ему и в голову не придет привязаться к нему, любить его как личность, он любит его как Бога внутри. Если он ест прасад, ему и в голову не придет есть прасад просто так. Он наслаждается вкусом прасада, поскольку тело всегда наслаждается вкусом прасада, неотличным от Абсолюта. Ему в голову не придет просто так его есть ради удовлетворения низших потребностей. Что бы он ни увидел, он прозревает этот Ясный Свет и испытывает любовь только к

Ясному Свету, а не к самим объектам. В нашей терминологии это означает – все вводить в мандалу созерцания, все интегрировать с естественным состоянием.

«О, единственный высший Бог, танцующий в домах истинной мудрости! О, моя святая Мать! О, мой святой Отец! О, мой святой Гуру! Ты имеешь богатство милости. Ты моя опора и поддержка, от которого я завишу во всем, когда я думаю о тех людях, кто вдали от Тебя и не имеет никакой связи с Тобой, кто бы они ни были, мой ум становится неподвижным и боится за них. Это хорошо известно Твоему священному Уму, о мой Отец!

Со дня, когда я начал следовать за Тобой и понял, что Ты моя истинная мать, отец, благодетель, друг, счастье этого дня, о, мой Отец, Ты можешь мне сказать, ушел ли я когда-либо в сторону даже в наименьшей мере по направлению к какой-то другой вещи».

Даже будучи монахами, мы должны всегда быть очень тщательными, по многу раз в день проверяя себя: «Не ушел ли я хоть чуть-чуть в сторону по направлению к какой-то другой вещи?» Если мы не открыли этот Ясный Свет, то мы просто проверяем свою внимательность, свою внутреннюю безупречность, которая проявляется во всем. И как только мы замечаем, что отклонились в сторону, мы должны приложить все усилия, чтобы восстановить эту прямую дорогу. Если вы почитаете далее тексты Рамалинги и других святых, то увидите, что святые очень часто ругают себя и говорят, что они самые последние люди на земле или грязнее собаки, что у них много недостатков и грехов. Если мы проанализируем их жизнь, то их духовная чистота была за пределами всего, однако почему они так говорили? Потому что они очень бескомпромиссно и критично относились к себе. Даже самое малейшее проявление тамаса, отклонение от связи считали большим отклонением. Обычно для мирского человека провести полгода в тамасе, затем вступить на духовный путь снова, а потом пропустить полгода – это не является криминалом. Для неопытного послушника три месяца быть в бессознательности и на третий месяц в ритрите во время сатипаттханы восстановить ясность и снова проснуться – это тоже норма. Для монаха этот срок сокращается. К примеру, отвлекся на два-три часа во время интенсивного служения, а потом вспомнить: «О, куда мой ум ушел!», и раскаяться в этом. Для опытного монаха этот срок сокращается до двух-трех минут, когда ум отвлекается, а затем снова непрерывно возвращается. Для высокого практика отвлечений не существует, но есть просто понижение ясности и повышение. Ум непрерывно находится в созерцании, однако есть моменты замутнения и моменты глубокой ясности, и уже нет вопросов о том, что он допускает что-то в поведении или, что он теряет осознанность. Таких вопросов вообще нет, есть мельчайшие перепады ясности, и уже это он чувствует грехом. Он чувствует, что если было допущено даже мельчайшее понижение ясности, это было уже отклонением от прямой дороги. Другими словами, вышел он из самадхи, потерял глубокое самадхи, это уже для него критерий того, что он совершил падение. Это очень высокие стандарты. Однако у нас нет другого выхода, как постоянно замечать такие перепады сознания и постоянно стремиться удерживать свой ум на Абсолюте.

«О, мой полный милости, дарующий великую милость Святой Свет, Всемогущий Бог! Должен ли я описывать Тебя как безграничное богатство милости? О, моя пара глаз! О, мой Бог, как временный дождь с небес, так же как сладкая амброзия от небожителей, моя великая Мать, которая породила меня. О, мой Отец! Моя полная истинная мудрость, истинное знание! О, мой доброжелающий Бог!»

Рамалинга не практиковал ни пранаямы, ни мудры, ни асаны, также он не практиковал тантрические методы визуализации, призывания и прочее. В молодости он, принадлежа к семье шиваитов, следовал традиционной религии. Когда же он получил глубокий опыт за пределами двойственности, он отбросил все религиозные условности. Он говорил, что человечеству нужна единая религия, где нет каст, разделения на религии и прочее, за это его часто не любили брахманы. Следует понять, что Индия того времени была очень ортодоксальной страной. Практиковать йогу или тантру в

России, это не то, что в Индии. В Индии, что ни дом – то храм, что ни община – то секта. Религия стала частью общества, социума, истеблишмента. Когда ей следуют люди с обычными умами, то всегда возникают разделения, гордость, препирания, претензии на то, что твоя религия лучше, чем другая. Рамалинга, отбросив все эти условности, занимался одним созерцанием. И своим ученикам он рекомендовал медитировать на свет, находящийся в лампе. Если говорить, то это и есть сущность Ануттара-тантры и Лайя-йоги. По сути, созерцательное присутствие вне концепций, за пределами двойственных религий, медитация на свет – это самая сущностная часть нашего Учения.

«Ты передал мне хорошую мудрость и позволил мне петь для Тебя даже в молодом возрасте, когда еще ничего как следует, не понималось и не анализировалось. В возрасте, когда дети выходят играть на улицу, прыгая на их маленьких ножках, в юном возрасте, когда ходят на улицу для игр, Ты обращался со мной как с взрослым. Ты благословил меня проявить интерес к славе Великой Милости и позволил мне составить гирлянды сладких слов и подносить их для Тебя, о, мой Господь! Даже когда я был в очень юном возрасте, Ты милостливо благословил меня и позволил мне петь с поразительным чувством о Тебе временем песни подобной, мой Господь, и подобные другие слова. Возможно, это истинно реальный результат великого назначения, которое я нес. В очень юном возрасте, когда дети плачут, смеются и играют, Ты благословил меня петь для Тебя таким способом, который заставляет чувствовать спетое даже Великой Мудрости и заставил меня вести жизнь милости (шуддхасанмарга). Даже в возрасте, когда дети не знают, что они должны прикрывать некоторые части тела, Ты взял меня под свою опеку и благословил меня. В очень юном невразумительном возрасте, когда дети не знают ничего, Ты взял меня под свою опеку. Ты благословил меня и заставил петь для Тебя приятные мелодии со сладкими прекрасными словами».

Некоторые из его стихов описывают, что он был великим грешником, ищущим искупления, они были сочинены им из сострадания к тем грешным личностям, чтоб даже они имели надежду освободиться и искупить грехи через молитву к Богу:

«О, священный Великий Свет! Я знаю, среди моего класса я наихудший человек в нашей семье, мои цели плохие, а мои качества злые. И я меньше, чем маленький червяк, рожденный в испражнениях».

Пока ваше эго не соприкоснулось с Ясным Светом, оно думает, что вы Бог вещь что. И когда оно думает, что оно есть что-то важное, то конфликтует с другими, отстаивает свои права, борется за власть, имеет гордость, и прочее. Когда же оно соприкасается с Ясным Светом, то чувствует, что оно просто червяк. Каждый святой, соприкоснувшись с Ясным Светом, понимает, что его эго – это вот такой червяк. До тех пор, пока мы не отпустим себя и не почувствуем себя полностью беспомощными без этого Ясного Света, этот червяк будет мнить себя драконом или змеем. Но без Ясного Света он никто. Когда произойдет полная самоотдача и воссоединение нашего «я» с этим Ясным Светом, только тогда этот червяк станет вселенским драконом. Есть тибетская поговорка: «Увидев дохлую змею, ворона мнит себя Гарудой». Это означает, что когда мы видим людей менее интеллектуально развитых, чем мы, менее духовно продвинутых, то в нас появляется такая гордость. Это подобно тому, как ворона, видя мертвую змею, мнит себя Гарудой. Гаруда – это вселенская птица, которая носит бога Вишну. В Лайя-йоге и Ануттара-тантре это символ недвойственности: птица, которая рождается сразу взрослой, вылупляется из скорлупы и сразу начинает парить, не учась летать. Гаруда побеждает змей – это символ укрощения клеш. Эта ворона может стать Гарудой, только когда она осознает полностью свое единство с Ясным Светом. До этого это просто ее самомнение и претензии.

«О, священный Великий Свет! Я меньше, чем маленький червяк, рожденный в испражнениях. Я очень жестокосердный великий грешник. У меня был мстительный ум. Я грешник, поглощающий любую животную пищу. Я никогда не приближался и не воображал хороших вещей. Даже несчастная плохая собака смеется над моими плохими качествами. Я хуже, чем дьявол в его природе. Я не знаю, почему я был рожден в этом мире».

Когда святой очищает свой ум, все его самомнение уходит, и он созерцает Ясный Свет, он внезапно видит всю глупость своего отдельного «я». Внезапно все старые игры его это в гордость, в привязанность, в самомнение видятся как клоунада. Он ясно видит, что все тоже это видят и смеются над ним, только он сам сейчас начал это понимать. Ему кажется, что даже собака смеется над ним, так это явно. Его это, его привязанность, зацепленность за себя, самомнение, гордыня так видны. Ему становится просто стыдно. Это происходит, потому что перед этим Ясным Светом даже чистота богов – это не чистота без самого Ясного Света.

«Я не знаю никаких лекарств для лечения моих болезней. Я не знаю никакого драгоценного камня, чтобы получить облегчение, у меня нет мудрости, я не знаю своей судьбы, я не знаю условий существования, я не могу исправить себя. Я не знаю величия Бога и его милости. У меня нет знаний, как сделать что-нибудь хорошее».

Когда йогин обретает такое понимание, то единственное, что его спасает, это его приверженность, его вера.

«Я не знаю великих качеств мудрого человека. Знаю ли я путь, как достичь дома мудрости, где мой Отец, Господь, танцует? Я не знаю, как описать даже путь, по которому я живу, как я могу войти в дом мудрости? Кому я могу рассказать все это? Что я должен делать? О, я не знаю ничего».

Лао-Цзы как-то писал: «Все люди выглядят мудрыми и знающими, один я ничего не понимаю». Когда святой приближается к пониманию недвойственности, то его интеллект, который был так изощрен, пасует перед недвойственностью, и святой понимает, что интеллектуальные ухищрения здесь бесполезны. Он видит, что чем больше он приближается к Ясному Свету, тем больше он понимает, что он вообще ничего не знает. Потому что мы соприкасаемся с великой бездной, с ужасающей тайной для его и ума, с непостижимым и бесконечным. Знания самых великих маха-маха-пандитов и даже богов, видьядхаров, которые сами пишут сотни томов тантр – это ничто пред этим безграничным Сознанием. Поэтому в Упанишадах говорится: «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, еще не знает». Поэтому даже когда святой говорит о чем-либо или говорит, что он знает нечто, это его игра слов (вахара-вачана). Он это говорит, подразумевая, что он ничего не знает, и что он ничего не говорит. Однако только на поверхностном уровне для других людей, общаясь с их умами, он говорит таким образом. Когда же его ум соприкасается с великим Источником, здесь исключено любое логическое познание. Сон Чоль Синим по этому поводу говорил: «Я никак не пойму тех дураков, которые утверждают, что они что-то знают». Сон Чоль Синим десять лет просидел в пещере непрерывно в медитации, в самадхи, достигнув высшего Пробуждения. Он в полной мере понял это, что ум никогда ничего не знает об абсолютном великом «Я». Ум просто не может постичь его. Тем не менее, постижение происходит через переживание. Когда святой выходит из самадхи, он видит, что его переживания настолько запредельны, что говорить о нем языком, это все равно, что экскаватором пытаться вылепить скульптуру Сикстинской Мадонны, к примеру, или Венеры Милосской. Некоторые отказываются даже говорить об этом, живя всю остальную жизнь в молчании или просто говоря всякие нечленораздельные безумства. Будда после просветления отказывался говорить и проповедовать до тех пор, пока Брахма и другие боги не снизошли и не начали его просить, чтобы он вращал колесо Дхармы. Будда отвечал так: «Слишком велика, слишком непостижима и запредельна Дхарма. Если я начну говорить, люди не поймут ее, люди привяжутся к словам и упустят Дхарму. Поэтому я буду оставаться в молчании». Но поскольку Брахма и другие боги просили, он все-таки начал говорить. Однако он всегда говорил: «То, что я говорю, не есть истина. Это вахара-вачана, общепринятая речь, намек, палец, указывающий на луну. Вы не должны привязываться к моим словам». Это так. Вы никогда не должны привязываться к словам и объяснениям, хотя они очень помогают. Если вы неправильно, буквально их поймете, они могут стать очередной фиксацией, привязанностью. Поэтому, когда Гуру говорит с вами, он всегда говорит, не говоря. Тогда у вас есть единственный выход – слушать, не слыша.

«О, истинный высший Господь! Я не знаю пути, в котором, если я что-то делаю, то я смогу заставить Тебя сжалиться надо мной и даровать твою милость. У меня нет никого, кто может указать мне путь. И если я останусь жить таким образом, что я должен делать?»

Когда мы приближаемся к неконцептуальному, недвойственному, непостижимому и бесконечному, мы чувствуем, что все дороги потеряны и все наши знания только приблизительны, они только намекают на это. Нет какого-то однозначного, конкретно указанного пути – нам придется это постигать собственным опытом. И только если у нас есть наставления Гуру, которые касаются не интеллекта, а чего-то большего, и глубокое понимание тонких учений, великая решимость, мы можем сделать этот великий прыжок.

О Ясном Свете.

«Когда бы я ни был счастлив, я чувствовал счастье, только думая о Твоих великих качествах Бога. Когда бы слезы ни падали с моих глаз, я чувствовал мысли о Твоей милости. Когда бы я ни просвещал запутанное и обеспокоенное состояние ума тех, кто ко мне приходил, я просвещал их замешательство и беспокойство, только говоря о Твоих великих качествах и милости. Я не помню, чтобы я делал что-либо еще. Нужно ли мне говорить Тебе все это? Твой святой Ум все это знает».

Рамалинга говорит: «Когда бы я ни был счастлив, я чувствовал счастье, только думая о Твоей природе». Есть такая поговорка: «Когда я весел и здоров, я пою песенки. Когда я попадаю в какую-нибудь переделку или страдаю, я вспоминаю о Трех Драгоценностях». Когда йогин испытывает переживание радости и счастья, он боится его испытывать без объединения с истинным Источником. Он думает так: «Мне не нужна эта радость, если она не из недвойственности, если она обусловлена чем-то внешним, поверхностным. Такой радости мне не надо. Лучше в аду, но с Абсолютом, чем на небесах, но без него». Говорят, что рождение человеком драгоценнее, чем рождение богами страсти, потому что многие из богов страсти увязли в радости без Абсолюта. Это сильное переживание, поэтому объединить его с созерцанием труднее, чем людям, поскольку в мире людей радостей меньше. Однако истинный йогин никогда не разменивается на маленькие радости, чтобы отвлекаться от видения недвойственности. Рамалинга говорит, что запутанное и обеспокоенное состояние ума он устранял, только медитируя на абсолютные качества. Он устранял эти состояния в умах других. Пока мы не открыли это великое, то наши умы запутаны и обеспокоены, мы словно блуждаем во тьме, словно спим наяву, словно не можем выбраться из лабиринта своих мыслей, мы словно муха, которая летает вокруг банки, а вкуса меда не может попробовать. Мы пытаемся сделать что-то, но чем судорожней и хаотичнее мы пытаемся делать, тем дальше мы от этого уходим. Если же наш ум правильно направлен, это решается в одно мгновение. Это дело одного мгновения – войти в правильное состояние. Мы говорим, что сущность и корень Учения – пребывать в естественном состоянии. Наверное, вы и во сне можете это вспомнить. Однако если спросить, что есть естественное состояние, я могу сказать, что это предельно расширенное состояние до бесконечности, подобное бесконечному пространству. Поэтому тот, кто пребывает в медитативном сознании, всегда чувствует себя расслабленным и расширенным, словно внутри него тысячи галактик. Он всегда раскрепощен, его тело расслаблено, а ум отпущен в великую свободу, он чувствует себя пронизывающим все направления. Когда так чувствуешь непрерывно, и это стало твоей природой, это называют уверенностью в естественном состоянии. Когда можешь это чувствовать не только сидя в ритрите, но когда моешь посуду или ходишь, ты очень близок к Богу, потому что Бог, конечно, это не философия, из-за которой спорят пандиты, это не изображения на картинках, из-за которых ссорятся верующие, это не имена и названия. Все это его жалкие отблески. Когда мы так созерцаем, можно сказать, мы воочию видим Бога. Однако когда мы его видим, нет видящего, потому что никто не может увидеть Бога. Он может только устранить себя, и тогда Бог проявится. Видеть Бога – это значит быть Богом. Если ты видишь Бога и есть ты, то это не Бог. Если есть ты, который что-то видит, то то, что ты видишь, это не Бог. Это очередная пелена на твоих глазах.

Чтобы увидеть Бога, ты должен исчезнуть. Видящий и процесс видения с усилием должны исчезнуть. Поэтому когда мы пребываем такими расширенными до беспредельности и расслабленными, это видение возникает самопроизвольно. Все замешательство и беспокойство уходят. Даже когда мы выполняем техники, Анапанасати, концентрируемся, без этого не обойтись вначале, это нужно, хотя это вторичное. Какая-то часть ума всегда должна быть расширенной и осознавать это великое пространство. В буддизме Тхеравады нет понятия Бога, есть Нирвана или природа Ума. В буддизме Махаяны есть Светоносная Ясность, Прабхасвара Читта, Шунья (Пустота). В тибетском буддизме Высших Колесниц есть понятие Всевышнего. Фактически, Высшая Колесница тибетского буддизма и Адвайта-веданта сливаются, это одно и то же. В Адвайте есть понятие Абсолюта, Брахмана. В Тантре, в зависимости от школы, Бог – это или Шива, или Великая Мать, Кали у шактов, или Вишну у вайшнавов. Это все метафоры, слова, указывающие на единое пространство Ума. В Лайя-йоге мы говорим Праджняна – природа Ума. Однако, когда кто-то попросит определить природу Ума, скорее всего, словесного ответа он не дожидается, потому что мы следуем наставлениям Сарахи: «Пытаться словами объяснить природу Ума, все равно, что сердить гремучую змею». Если у вас хорошее настроение, вы можете сказать что-нибудь наподобие: Бог – это рогатый кролик. Если у тебя нет уровня осознанности, то ты не поймешь. Вы можете переживать это, но никогда не объясните это адекватно словами. Потому что там, где есть это переживание, интеллект и субъект не выживает.

«Принимая пищу, сливаясь с Тобой и становясь счастливым, засыпая и пробуждаясь, осознавая мирской опыт, становясь счастливым после обдумывания, изучения всего, что нужно знать и впадения в глубокую продолжительную любовь, у меня не было никакого другого переживания, кроме Тебя. Здесь нет ни одного указания даже раз на делание чего-то по моей воле и разумению без Тебя. Твой сияющий святой Ум знает все это. Нужно ли мне говорить так часто Тебе об этом?»

Когда наш ум неопытный. Его очаровывают разные вещи, материальные или тонкие. Когда он утверждается в созерцании, его не очаровывает ничего, кроме Ясного Света. Созерцая его, ум поглощается день и ночь, наблюдая Ясный Свет. Это подобно тому, как если человек жил в своей маленькой деревне, у него были маленькие заботы, но внезапно его привели в высшее общество, в элиту, у него полностью сменилось мировоззрение, он начал мыслить масштабно и ему не хочется возвращаться к своим старым маленьким заботам. Таким же образом, пока исконный Ясный Свет не раскрыт, ум по неопытности соблазняется. Он не знает, какое величие несет этот Ясный Свет. Когда же Ясный Свет видится прямо, ум не может на что-либо отклоняться.

«Могу ли я забыть Тебя, когда я никогда не знал, как можно забыть о Тебе. Если я забуду Тебя, я умру, я не смогу вынести даже и секунды. И это обещание для Тебя».

Все замешательство, неведение, тупость, желания проистекают из-за того, что ум не знает, куда направить себя. Он разъединен с Абсолютным Источником. Вначале наши переживания очень зависят от энергии. Если ваша энергия нечистая или каналы узкие и загрязненные, то вы не можете держать ум на Абсолюте. Тогда ум становится подобным собаке, которую тянет то в одну сторону, то в другую, но, по сути, она сама не знает, чего хочет. Когда же наша ясность и духовная чистота увеличиваются, мы находим огромную радость просто в пребывании в состоянии ума как он есть, который созерцает непрерывно Ясный Свет. Вначале мы можем думать, что созерцаем Ясный Свет, однако, скорее всего, это будет только подобие, некоторая ясность. Чтобы по-настоящему к нему приблизиться, должен произойти полный переворот в ценностях, в чувстве «я». Когда эго приближается к Ясному Свету, оно дрожит, чувствуя, что кому-то из двух придется отойти на второй план, и оно знает кому, если это искреннее стремление. До тех пор, пока мы не приблизились к Ясному Свету, мы будем сильно искушаемы разными вещами, только неопытный не знает об этом. Это могут быть переживания в медитации, помехи и препятствия от духов, болезни, сомнения, уныния, страдания. Если много заслуг, наоборот, гордость, самомнение, чувство, что ты выше других, опыты, видения богов, святых, сиддхов

или духов, которых принимаешь за богов, и которые говорят тебе на ухо что-нибудь, с которыми хочется разговаривать, слушать то, что они предсказывают и прочее. Все это возникает в уме йогина. Когда же ум прикипает к Ясному Свету, все это исчезает. Есть только великая непостижимая радость. Нужна очень большая вера и решимость, чтобы преодолеть все соблазны и препятствия. Соблазны сильны, когда вы невнимательны, когда ум разболтан, рассеян, когда вы не бережете себя, говорите много, ходите неосторожно, смотрите хаотичным взором, думаете вразброс. Тогда то тонкое, что держало нас близко к Ясному Свету, уходит, и ум становится грубым из-за нашей неосторожности. Здесь и есть соблазны, которые только и ждут, чтобы наша тонкая часть заснула. Это факт, что когда слишком вы занимаетесь чем-то, то сразу возрастают резкие энергии и проявления кармы, а когда вы лучше созерцаете, то без труда можно видеть все колебания и успевать их самоосвободить.

«Много раз я забывал о моем теле, моей душе, моих чувствах, и обо всем этом мире, но я не помню, чтобы я забывал о Тебе. У меня нет никаких желаний, кроме как достигнуть Тебя. Я не буду желать получить ничего другого, кроме Твоей милости. Мне не нравится думать ни о чем другом, как только о Твоей славной милости».

Когда мы думаем о чем-либо другом, наш ум сжимается, и мы теряем ощущение, подобное расширенному пространству, тогда ум грубеет. Считается, что когда возникают соблазны или мысли одолевают, йогин должен резко прервать такой поток мыслей, а в особых случаях сильного гнева или испуга выкрикнуть слог «Пхат». Однако его не следует кричать слишком уж часто, поскольку это разновидность гневной мантры, считается, что она может причинить вред мелким духам. Вместо этого можно просто резко выдохнуть, крикнув «Ха» или «Хей». Так поток двойственного мышления прерывается, и мы на некоторое время сами себе делаем прямое введение, возвращаясь к расширенному состоянию.

Было два учителя. Один был мастером Йоги тепла, второй – мастером Йоги сновидений. Сначала они дружили между собой, затем их взгляды разошлись в философии, и они жили раздельно. Один мастер построил очень красивую ступу. Из далеких деревень приходили посмотреть на нее. Другой мастер очень хотел взглянуть на эту ступу, но знал, что если придет в эту деревню, его поднимут на смех. Будучи мастером Йоги сновидений, он решил посетить ее в теле сновидения. Однако когда он приблизился, то мастер Йоги тепла и переноса сознания увидел его силой ясновидения и резко выкрикнул слог: «Пхат». Тогда его в сновидении отбросило обратно в свою постель. В течение двух недель он каждый день пытался в теле сновидения прийти и посмотреть на ступу, каждый день его отбрасывало этим слогом, и он не понимал в чем дело, поскольку такого никогда не было. Только потом мастер переноса сознания и Йоги тепла пустил слух, что этот мастер шпионит во сне, и он прекратил свои попытки.

Когда вы практикуете пять янтр Лайя-йоги, со временем вы становитесь искусным в какой-нибудь одной или двух техниках, которые лучше всего у вас получаются. Те, у кого хорошая поза лотоса и большая задержка дыхания, быстро реализуют через Шакти-янтру, Кундалини-йогу. Те, у кого развиваются видения, будут иметь успех в Джьоти-йоге. Те, у кого высокий интеллект и имеют склад джняни, будут иметь успех в созерцании. Однако, когда вы раскрываете единое пространство, вы видите все методы включенными в это единое пространство, что практика очень проста, она проще, чем кажется: постоянно быть в расширенном состоянии сознания, расслабляться все больше и отдаваться ему, не цепляться за свое маленькое сжатое «я».

О Ясном Свете (Состояние Аманаска).

«Это бесконечное внизу, оно – наверху, оно – позади, оно – спереди, оно – справа, оно – слева, оно – весь этот мир. А теперь наставления о самом себе. Я – внизу, я – наверху, я – позади, я – спереди,

я – справа, я – слева, я – весь этот мир. Поистине, кто видит так, мыслит так, познает так, он сам становится владыкой во всех мирах. Он способен действовать, как пожелает».

Чхандогья Упанишада, глава 25.

Здесь описано состояние Просветления или святого. Святой, если он реализован, чувствует: я – внизу, я – наверху, я – позади, я – спереди, я – справа, слева, я един с миром. Это значит, что нет никакой двойственности. Если двойственность остается, то остается часть «я», которая чувствует то, что было описано, однако она его оценивает и видит как бы со стороны. Можно сказать, что это святой, который свят, он еще не дошел до высшей точки недвойственности. Он поет хвалу Богу и чувствует Его везде, однако еще есть разница между ним и Абсолютом. Что значит видеть так, как описано в Упанишаде? Это означает, что видящий исчез. Субъект, который видит, полностью растворился. Когда исчезает видящий, то возможно так видеть. Когда здесь говорится: «Я внизу, я наверху», это, конечно, не относится к маленькому «я». Скорее, можно сказать, что никакого «я» не осталось. Это Вселенское Сознание, его можно назвать «Я», а можно как угодно, мыслить так. Это, конечно, отличается, если думать просто «я внизу» или «я наверху». Только в состоянии аманаска, в том месте, где никакая мысль невозможна, вы можете себя так почувствовать. Любые виды ментальной подделки в созерцании не годятся. Мы можем думать: «Я – весь этот мир», можем представлять в визуализации, однако все это будет суррогатами. Истинное переживание находится там, где никакая мысль невозможна – в состоянии аманаска. Это сознание, где нет никаких мыслей, мы делаем основой в практике. Если вы спросите: «Ну, как же так, мы же говорим, что мысли могут возникать, а созерцание не должно прерываться?», то можно сказать, что вы упустили суть. Вы можете спросить: «Мы же говорим, что идеал Лайя-йоги – это не состояние ухода в нирвикальпа, когда мысли остановлены, а состояние, когда видится и слышится все». Это так, однако, тонкость здесь такова: тем не менее, даже когда на периферии мысли возникают и все видится, подлинная сущность нашего «Я» пребывает там, где нет никаких мыслей.

Наставления Шри Пунджаджи очень четкие.

«Ты говоришь, что в твоём сне нет никого, кто находится в состоянии бодрствования и знает, что никого нет? Что собой представляет это сознание, которое находится в бодрствовании, пока ты спишь, и которое знает, что там никого нет?»

Это состояние аманаска переживается нами каждую ночь в состоянии, где нет никаких сновидений, примерно с двенадцати до двух часов ночи, в момент самого глубокого сна. Недаром мы говорим, что тот, кто может осознать себя в сновидении, полностью избавляется от круга рождений и смерти, потому что он утверждает в этом состоянии аманаска. Ясный Свет и есть аманаска – состояние вне мыслей.

«Кто это сознание, которое наслаждается сном? Что собой представляет это сейчас?»

Каждую ночь мы соприкасаемся с Ясным Светом. Мы не исчезаем, мы входим в Ясный Свет и затем из него выходим, как рыба выпрыгивает из воды. Мы не можем сказать, что, проснувшись, мы стали новой личностью. Наша непрерывность остается, и мы помним, что спали. В противном случае, если бы мы исчезали, то, проснувшись, мы теряли бы разум и не помнили бы ничего. Но непрерывность остается.

«Каково различие между этим пространством во время состояния сна и пространством, в котором присутствует предыдущее или последующее состояние бодрствования?»

Шри Пунджаджи спрашивает: а теперь надо найти различия, что изменилось, когда мы спали ночью и начали бодрствовать? Ведь это состояние аманаска, оно продолжается. Если мы его осознаем немного во сне, мы можем его помнить и при бодрствовании. Это подводное течение не прерывается.

«Что это за пространство, в котором происходит сновидение? Как все эти пространства отличаются друг от друга?»

Когда возникают сновидения, это миражи, которые накладываются на это внемысленное состояние Ясного Света. С точки зрения Ясного Света, этот мир – такой же мираж и видение, которое наложилось на изначальное пространство Ясного Света.

Ученик: «Похоже, во всех трех состояниях присутствует одно и то же пространство. Пространство одно и то же».

Шри Пунджаджи: «Да, пространство одно и то же. Пространство в этой руке – это то же пространство, что присутствует и в другой руке, и то же пространство, что присутствует в руке каждого человека. Рука может быть другая, но пространство одно и то же».

Когда мы отождествляем себя с видениями и миражами, мы чувствуем себя отличными друг от друга. Когда мы отождествляем себя с этим внемысленным Ясным Светом, мы не чувствуем никакого отличия. Потому что это самое тончайшее состояние, единое на всех, у него нет никаких преград. Тело локализовано в точке, можно указать его широту и долготу, где оно находится. Но внемысленный Ясный Свет не имеет никакой локализации. Он всепронизывающий и распространен повсюду.

«Ты являешься этим пространством. Ты представляешь собой пространство, в котором состояния бодрствования, сна и сновидений возникают и исчезают. Ты то, что является полностью сознающим, даже в состоянии сна».

Здесь дается наставление: «Ты являешься пространством». Это может часто повторяться даже как заклинание, потому что мы так загипнотизированы идеей «я есть тело», что нам нужно много раз повторять себе: «Я являюсь пространством». Разумеется, мысленное повторение не поможет. Это повторение пребывания в медитативном сознании. Нам надо поменять точку зрения: с точки зрения «я есть тело» на точку зрения «я есть пространство», привыкнуть к ней и научиться осознавать это непрерывно.

«Все эти состояния, все, что они содержат, является проекциями на чистый безупречный экран. Ты являешься этим экраном. Творец, все боги, небеса, ад и планеты, все создается лишь этим «я». Установи, откуда возникает эта идея «я».

Когда на этом пространстве возникает чувство «я», одновременно, сразу же возникают ады и небеса, другие, боги кармы, поступки и все прочее. С высшей точки зрения все это творится одновременно. На самом деле этого ничего никогда не было. Низшие теории эволюции говорят, что Брахма выдыхает Вселенную или это можно сравнить с теорией Большого Взрыва: Вселенная творится, потом разрушается. С низших точек зрения так оно и есть. Но с более возвышенных точек зрения никогда ничего не создавалось, никогда ничто не разрушается. И в этом абсолютная истина. Я цитирую «Мандукья Карики» Гаудапады, учителя Шанкары. На самом деле с точки зрения этого безграничного пространства все это полностью бессущественно. Это возникает одномоментно, мгновенно, с возникновением первого чувства «я», каждую секунду возникает и творится. Поэтому Вселенная субъективна. Просто наши чувства «я» сейчас находятся в некоем коллективном шаблоне, они соединены, скоррелированы. Поэтому для нас кармические процессы протекают примерно едино, однообразно в одно и то же время. Тогда у нас создается иллюзия, будто Вселенная творится

постепенно и развивается. Однако я скажу, что наше неведение пяти миллиардов людей вместе творится постепенно и развивается в силу кармы, но примерно одинаково. Наше чувство «я» примерно одинаково в одно время. И мы, те, у кого оно одинаково творится и разрушается, собраны в этом мире людей. Другие собраны в другом измерении, в мире богов. Однако, все это не имеет даже капли самобытия. Это возникает одновременно вместе с чувством «я», которое выпадает из состояния Ясного Света. Можно сказать, что в мире людей наше чувство «я» выпало похожим образом у всех людей, которые есть, поэтому и кажется, что Вселенная творится так.

«Ты являешься этим экраном. Экран не имеет ни объектов, ни субъектов. Этот экран ни в малейшей степени не интересуется ни объективизацией, ни тем более субъективизацией».

Здесь говорится об этом сознании, как об экране, это понятный пример. Экран не запятнывается. Но у нас используется не «экран», а классический термин «зеркало». Зеркало не запятнывается изображениями. Если мы поставим зеркало, и к нему подойдет один человек и даже пять миллиардов в него посмотрятся, чистота зеркала останется прежней. Для него это ничто. Бесчисленное множество людей могут смотреться в него, зеркало не помутнеет от их взглядов. Можно сказать, что это даже не экран, поскольку экран – это нечто плоское. Я бы сказал – это полыхающая бездна пространства, полыхающий Свет, подобный пространству. Экран – это что-то знакомое нам. Мы думаем: «Ну, какой-то экран, стоило ли слишком так уж утруждать себя ради экрана, чтоб стать этим экраном?» Метафоры часто очень важны. Они передают бхаву, чувства. Конечно, это не тот экран, который мы видим в кинотеатре. Это самое запредельное и непостижимое, что возможно переживать. Это полыхающая бездна Ясного Света, перед которой просто немеют уста и все меркнет, не только у людей, а у самых великих богов. Боги его просто созерцают постоянно в отличие от людей. Они постоянно поют ему славу. Поют славу, означает, что боги находятся непрерывно в созерцательном присутствии. Их поток двойственного мышления, клеш вытеснен медитативными состояниями разного уровня созерцания. Поэтому их тела насыщены светом, имеют огромную световую ауру. Это отблеск Ясного Света. Поэтому боги постоянно воспевают ему хвалу, то есть проявляют творческую энергию этого Ясного Света. К примеру, в Библии говорится, что ангелы поют: «Свят, свят, Господь Саваоф!»

«Это просто есть. Ты есть этот экран, пусть собаки лают, на тебя это не может оказать никакого воздействия».

Собаки – здесь имеются в виду мысли, эмоции, клеши. Есть такая поговорка: «Пребывай в естественном состоянии, не отвлекаясь, даже если за тобой гонятся семь разъяренных собак». Когда мы осознаем этот Великий Источник, то эмоции и клеши растворяются просто силой пребывания в таком Источнике. Если вы играли в детстве с воздушными шариками (я играл точно), когда на них рисуешь шариковой ручкой, рисунок виден, но если его начинаешь надувать, рисунок расплывается и его почти не видно. И наоборот, если на надутом шарике нарисовать что-то, даже если оно размытое, когда шарик сожмется, рисунок станет очень четким. Мысли подобны таким рисункам и клешам. Надуть шарик – означает дать уму свободу, расшириться, тогда мысли просто перестанут быть заметными, пространство растворит их. Напротив, когда мы сжимаемся, даже небольшие клеши становятся сильными, даже небольшие мысли становятся идеей фикс и обуславливают нашу свободу.

«Пусть будут проекции бурь, пожаров, любовных страстей, печалей и страданий. Экран остается незатронутым. И этим экраном являешься ты».

Когда мы созерцаем эту бездну сияющего Света, то все иллюзии, наподобие мира людей, чувства «я есть это тело», мирские привязанности и заботы, взаимоотношения - все это перестает полностью занимать наше сознание, настолько оно ничтожно по сравнению с этим.

О Ясном Свете (постепенный и мгновенный путь Просветления).

В основном практика складывается из трех вещей: внешняя самодисциплина, внутренняя безупречность в энергии, т.е. чистота нади, контроль ветра, пран, и внимательность, осознанность. Внешняя самодисциплина соответствует пути Сутры. Управление ветрами, пранами и каналами – Тантры и внимательность – Ануттара-тантры. Все сводится к этим трем. Подход к практике обычно существует двух типов: постепенный и прямой или его называют мгновенный, но мгновенный не означает, что мы мгновенно достигаем Просветления, это случается только с единицами. Скорее, это означает, что мы прямо работаем с реальностью, минуя какие-то постепенные способы, но Просветление все равно наступает через какое-то время. Однако этот путь считают наиболее быстрым и прямым. Постепенный – это, скорее, путь мастерства. Мы тренируемся и становимся все более сильными и умелыми. Мы упорно изо дня в день тренируемся и становимся мастерами. Это подобно боевым искусствам или спорту. Вы оттачиваете годами филигранное мастерство, пока не станете супер-экстра-класса мастером медитации, техник, присутствия. Он связан с тренировкой метода личного усилия. Мгновенный – это не путь мастерства, а путь отсечения. Вы ничего в себе не выращиваете, не тренируете во внешнем смысле. Вы становитесь на такую точку зрения, которая говорит, что вам нечего в себе выращивать, что вы уже совершенны, нужно просто убрать то лишнее, что закрывает ваше совершенство. Поэтому здесь не тренировка, а отсечение, убиение лишнего. Если мы спросим, что же надо отсекаем, то это собственные оценки, предпочтения, сформированный опыт, цепляния, все то, что составляет эго, разделяющее мир на субъект и объект. От того, насколько мы отсечем все это и оставим только зеркало чистого осознания, зависит, достигнем ли мы успеха на прямом пути. Это, скорее, стиль махасиддхов. Поскольку махасиддхи жили в диких метях и были погруженными в медитацию, если ученик приходил к ним, им недосуг было тренировать годами учеников, философски объяснять многие вещи. Они были очень требовательны к ученикам и сталкивали их просто с ситуациями. Ученик либо пасует перед ситуацией, поворачивает назад и ищет более мягкого учителя, либо выдерживает и делает скачок, прорыв. Однако мало кто мог прогрессировать таким путем.

Мы придерживаемся обоих путей. На постепенном пути вы пестуете определенные способы практики и становитесь в них умелыми, у вас нет замешательства, и вы четко знаете, что за чем следует. Вы знаете, что здесь, если правильно годами тренироваться, ошибиться невозможно. Если вы усердно делаете пранаямы, ваши каналы когда-нибудь станут чистыми и зазвенят, вы начнете прыгать в падмасане и Кундалини когда-нибудь да войдет в сушумну. Это вопрос времени и усилия. Или если вы усердно концентрируетесь в медитации годами, когда-нибудь вы войдете в дхьяну и осуществите прорыв. Это неизбежно. Все зависит от вашего усилия, вашей твердости на пути.

Путь отсечения сразу непонятен. Мы думаем: «Я оставлю все, отброшу все, а результат? Что-то эфемерное». Он непонятен даже практикам с большим стажем. Когда мы отсекаем свои оценки, предпочтения и цепляния, результат – это само по себе наступающее медитативное сознание без субъекта. Результатом практики прямого пути является исчезновение субъекта, «я», который цеплялся, это цепляние и привязывало его к сансаре. А когда субъект исчез, то медитативное состояние возникает само, и оно уже не утрачивается. Когда мы идем любым из этих путей, выполняются на продвинутой стадии особые практики для прорыва.

«Что касается специфических мест для практики, хорошие места чересчур расслабляют, и там слишком много приятного, и таким образом там нет внешних и внутренних условий, решительно необходимых, чтобы возвысить расстроенное сознание. В этих местах у медитатора не могут так легко возникнуть спутанные мысли и грубые страсти».

Здесь говорится, что когда йогин достигает совершенства, то ему нужно практиковать с более жесткими нагрузками. В хороших условиях без нагрузки он достигает некоторого состояния равновесия, однако ему надо переживать более сильные возникновения мыслей, эмоций или чувств, помещая себя в более суровые условия практики. Это не рекомендуется новичкам, в текстах говорится вполне четко, что это практикуется на стадии тепла, на ступени самадхи, когда усиливается элемент огня в теле, когда йогин обрел владение пранами.

«Без такого типа спутанного мышления и страстей, быстрое продвижение, возведение ума на стезю естественного состояния невозможно. Ум, одолеваемый безразличием и ленью, нельзя поднять над всеми мучительными обстоятельствами, улучшая продвижение по пути, пусть даже медитатор и проводит многие годы или же всю жизнь, обманывая себя, будто он занят медитацией».

Когда мы просто живем день ото дня, находясь в поверхностно-безмятежном состоянии, и наше созерцание не прогрессирует, это означает, что нам надо пересмотреть свои взгляды на практику созерцания. Потому что истинная практика созерцания, когда она выполняется правильно, это постоянный прорыв вперед, постоянная самотрансценденция. Такой йогин живет каждый день, словно вечность. Он каждый день заново рождается и умирает. Он соприкасается с настолько бесконечной тайной, что кажется каждый день – это целая жизнь, каждое мгновение наполнено тотальным осознанием. Однако на практике это достигнуть трудно. Поэтому мы практикуем ритриты и особо интенсивные ритриты, в которых выполняются более глубокие практики.

«Пока он наслаждается мирной и не озабоченной жизнью, у него будет медитация, ориентированная чисто на такие условия, которая однажды выродится до обыкновенного мирского уровня «как-нибудь», когда вдруг прорвется какой-либо эмоциональный кризис. Прогресса можно достигать более стремительного в течение всего одного месяца самотрансформации в ужасающих условиях, в суровой местности».

Слышали? В ужасающих условиях. Поэтому когда вы впадаете в замешательство, от того, что хлеб несвежий или что дует и в сентябре не затопили печку, вы должны вспомнить: «Это же совсем не ужасающие условия. Разве я не могу сделать это путем для практики?» Пока мы не достигли стадии тепла, эти садханы мы не применяем, мы о них просто говорим, что они есть. Но на самом деле у нас есть каждый день те обстоятельства, в которых мы находимся, и я их рассматриваю как весьма благоприятные. Возможно, кто-то думает иначе, но я думаю, что для практики это как раз самые превосходные обстоятельства: когда мы чередуем ритриты со служением, когда мы часто помещаемся в различные, иногда даже трудные условия, и они требуют от нас самоосвобождения, большей осознанности. Мы не пребываем в тамасно-благодарном состоянии, вокруг нас не все небеса, это ясно. Но когда мы сталкиваемся с внутренними эмоциями, то это как раз та энергия, с которой мы можем работать. Мы можем либо впасть в отрицание, уныние, гордыню или какие-то клеши, но если мы настоящий практик, вместо этого мы можем понять, что это именно тот случай, когда мы можем проверить свою способность к созерцанию и приложить это. Месяц такой практики может быть даже более ценным, чем шесть месяцев ритрита в спокойном, радостном, безмятежном, умиротворенном состоянии. Я это говорю на собственном опыте.

«По этой причине медитаторам рекомендуется начинать практику, сперва делая подношения, а затем совершая практику самотрансформации в полнейшем безмолвии на ужасающих или страшных вершинах, в горном уединении, в обители нечеловеческих сил, которые вызывают пугающие видения, на кошмарных кладбищах, где свалены трупы и скелеты, под одиноким деревом, одержимым богами, в покинутых городах, на перепутьях дорог, часто посещаемых голодными духами и призраками. Чтобы медитатор был уверен в своей способности выполнить тайную практику самотрансформации, старые учителя установили пять существенных условий».

Когда йогин помещается в такие условия, это отличается от обычного ритрита и от обычной практики. Представьте, вы заходите в комнату или в домик, а вам справа в челюсть, вы приходите в себя, а вам слева, вы только встаете на ноги, а вас бьют в солнечное сплетение, а затем дают подсечку, и вы падаете на все четыре точки. Вы думаете: «Вот это да!», и только вы уворачиваетесь, вам снова бьют в лоб. Это что-то наподобие, только на тонком уровне. Вот что такое места силы. Это я точно знаю, имея очень богатый опыт таких практик. У вас нет выхода: если вы плохой медитатор, вам лучше бежать отсюда. Но если вы сильный медитатор, вы просто боретесь за свою жизнь, когда здесь ставки уже не на жизнь, а на смерть. Либо вы выстоите и выровняете свое сознание и прану, отсекая страх, цепляния, полностью до конца отдавая себя этому состоянию Ясного Света, надеясь на него, как на последний шанс, как на саму жизнь, как на единственное, что у вас вообще есть. Либо эта энергия просто вас сминает, подавляет и почти уничтожает. Вот это то, что практикуется йогинами высоких стадий, овладевшими контролем над и пран. Со временем, когда вы овладеваете своей внутренней силой, внезапно видите, что теперь становитесь сильнее, и ваше естественное состояние может покорять эти вещи. Через некоторое время вы берете эти энергии под контроль и полностью их побеждаете, как сильный слабого, и делаете их украшениями. Васудэва шел однажды в ритрите и увидел змею (это уж был). Он просто схватил эту змею, обмотал вокруг шеи и сел. Змея была настолько шокирована, она даже не успела зашипеть. Что-то наподобие происходит с клешами, различными препятствиями и трудностями у йогина, когда йогин обретает большое бесстрашие и силой одного только созерцания способен даже жесткие энергии покорять. Он становится подобным Шиве, который пьет яд или может навешивать змей на шею. Но до тех пор, пока истинный Ясный Свет не реализован и созерцательное присутствие не достигнуто, мы не говорим о таких практиках. Это делается индивидуально для тех, кто обладает подобной духовной силой. Однако если говорить проще, на самом деле различных трудностей или ситуаций возникает много и в повседневной жизни. Вопрос в том, как мы к ним относимся, можем ли мы их сделать практикой? Рассматриваем мы их как садхану высшего порядка, которая ускоряет наше духовное развитие? Если мы их так рассматриваем, то думаем: «О, это кратчайший путь к моему быстрейшему Просветлению». Если же мы это не рассматриваем так, то западаем в какие-то другие отличные от естественного состояния восприятия и просто тормозимся в духовной практике. Если мы, допустим, тащим тяжелое бревно, то можно думать по-разному: «О, я надрываюсь здесь, как последний», а можно думать: «Миларепа гораздо более трудную работу выполнял, потому и достиг Просветления». Или если мы едим не вкусную пищу, можно думать: «Сейчас в мирской жизни можно было бы есть пять видов пирожных» или еще чего-либо, но можно думать: «Когда практиковал Миларепа или Серафим Саровский, они ели гораздо более аскетичную пищу», не привязываясь к этому. Если нам трудно во время медитации, мы сидим, у нас затекают ноги, спина, и мы чувствуем уныние, то можно подумать: «Были мастера, которые медитировали так, что протирали ягодицами коврики для медитации или кололи себя шилом в бедро». Когда мы всякий раз видим и думаем, что это, наоборот, способ для практики, который ускоряет нашу реализацию, мы вместо того чтобы испытывать замешательство, становимся непобедимыми воинами, танцующими даже с яростными, жесткими энергиями, обладающими способностями созерцать в любой ситуации.

Один монах мне говорил, что у него было глубокое переживание не в ритрите, а когда он тащил генератор зимой. По морозу он тащил генератор с другим монахом. У него сначала были злость, гнев на погоду, на то, что ему нужно это делать, потом понимание абсурдности всей ситуации, а потом внезапно все изменилось, и он обрел очень глубокое состояние ясности за пределами субъекта и объекта, и энергия даже повысилась. Это пример самоосвобождения ситуации, когда вы можете извлекать из любой ситуации *энергию и использовать ее для ясности своего созерцания.*

Пять существенных условий, которыми должен обладать медитатор:

1. *Быть честным при соблюдении заповедей в горном уединении.*

2. *Быть способным справиться со всеми неблагоприятными обстоятельствами посредством духовных контрмер.*

Другими словами, наша духовная сила должна быть способна одолевать любые неблагоприятные обстоятельства.

3. *Владеть в совершенстве живыми наставлениями.*

Часто мы получаем много наставлений, но забываем их применять в повседневной жизни.

4. *Уметь восстанавливать поток своего сознания через веру.*

Уметь восстанавливать поток своего сознания через веру. Вера, воззрение – это одно и то же. Когда мы овладеваем недвойственным воззрением, разумеется, у нас возникает вера. Когда мы получаем вкус естественного состояния, у нас возникает вера. Мы должны уметь восстанавливать в любой ситуации поток своего сознания через такую веру. То есть где бы мы ни находились, мы должны найти этот путь, который приведет нас к той точке, где должен быть наш ум. Эта точка известна – это Ясный Свет изначального Бытия, Абсолюта. Это означает, что йогин в любой ситуации руководствуется абсолютным видением. Он может восстановить свое сознание из любого состояния, возникает ли у него вожделение, гнев, страх, сомнение или неуверенность, желание критиковать других, блаженство от развлечения или что-либо еще. Все эти эмоции, мысли он не позволяет себе признать даже на мгновение. Он подобен искусному игроку, который отбивает мяч из любой позиции. Он выворачивается из любой ситуации и снова помещает свой ум в абсолютное состояние созерцания. Он созерцает только Ясный Свет. Если говорить более простым языком, он думает только о Боге и радуется всему. Поскольку когда ты думаешь о Боге, по-нашему созерцаешь, то ты не можешь не радоваться, если делаешь это правильно. Часто когда я вижу тех, у кого есть радость, я думаю: «Это есть созерцание, прогресс». Если на лице написано замешательство, уныние, это не потому, что есть к этому какая-то причина, причина одна – просто еще не найдена эта нить, эта точка истинного видения, созерцания.

Был один философ в Древней Греции, он принадлежал, по-моему, к школе стоиков или киников. У него было несколько учеников, и он путешествовал в Индию, чтобы еще получить знания от некоторых мудрецов. За счет философии он развил очень абстрактный ум и силу созерцания в своей школе. Он посетил одного святого махариши в Индии, этот святой сказал: «Ты очень глубоко проник в реальность осознания, но еще не достиг подлинной реализации. Тебе надо поменьше быть около правителей, иначе это тебе повредит. Ты слишком много общаешься с политиками, но у тебя очень высокий духовный уровень». Поскольку этот философ сам имел уже высокую реализацию осознанности, он воспринял его совет с иронией и вернулся в Грецию. По-моему это было в Греции, я не очень хорошо помню. Это было во время царя Александра. В то время также был Платон. Когда царь Александр общался с различными философами, он их одаривал различными подарками. Этот философ был известен тем, что постоянно выпрашивал у царя деньги, золото и прочее. Когда он выпрашивал, то царь говорил ему: «Что ты за философ? Философ должен быть отрешенным». Иногда он ругал его, некоторые придворные даже плевали на него, но он все равно выпрашивал золото. И никто не знал, что он делал с этим золотом, а он потом шел и раздавал его беднякам. Все думали, что он выпрашивает его для себя. Он терпел разные оскорбления, унижения, все равно стоял с протянутой рукой до тех пор, пока царь не давал ему. Однажды царь взял его и Платона, и спросил: «Чего вы хотите? Я могу вам подарить». Платон попросил какой-то известный трактат, этот философ снова попросил золота, денег. Царь дал Платону трактат. Хоть он любил философа, но в душе презирал за то, что тот просил денег. Он дал ему снова небольшую кучку золота и сказал: «Вот, посмотрите, на Платона, он знает, что надо

просить философу, а ты – одно название, просишь только золота». Тогда этот философ сказал: «Каждый просит то, чего ему недостает. Очевидно, Платону не хватает знаний».

В конце говорится, что один богатый вельможа возненавидел этого философа за то, что тот его критиковал на приеме у царя, и однажды он приказал его схватить, когда тот случайно попал на его земли. Он приказал его казнить зверским способом: палач должен был истолочь его в большой ступе железным предметом. Истолочь просто. Когда его стали избивать, этот философ открыто смеялся над этим палачом и над местным царем и говорил: «Ты можешь убить мое тело, но мой дух тебе никогда не достать». Он хохотал, когда палач его убивал. Царь приказал его казнить, потому что, как ему показалось, философ мог повредить его политической власти. Тогда он сказал: «Его убивают, а он смеет еще хохотать надо мной, отрезать ему язык». Когда он отдал палачу такое приказание, то этот философ сказал: «Тебе нужен мой язык, получи». Взял, сам себе откусил язык и выплюнул. Говорится, что дух этого философа был непоколебим. Так царь не смог ничего ему сделать, он его казнил, но философ умер, смеясь в лицо царю. Он говорил: «Ты не волен достать мое сознание. Оно за пределами этого тела. Оно не доступно».

Ом